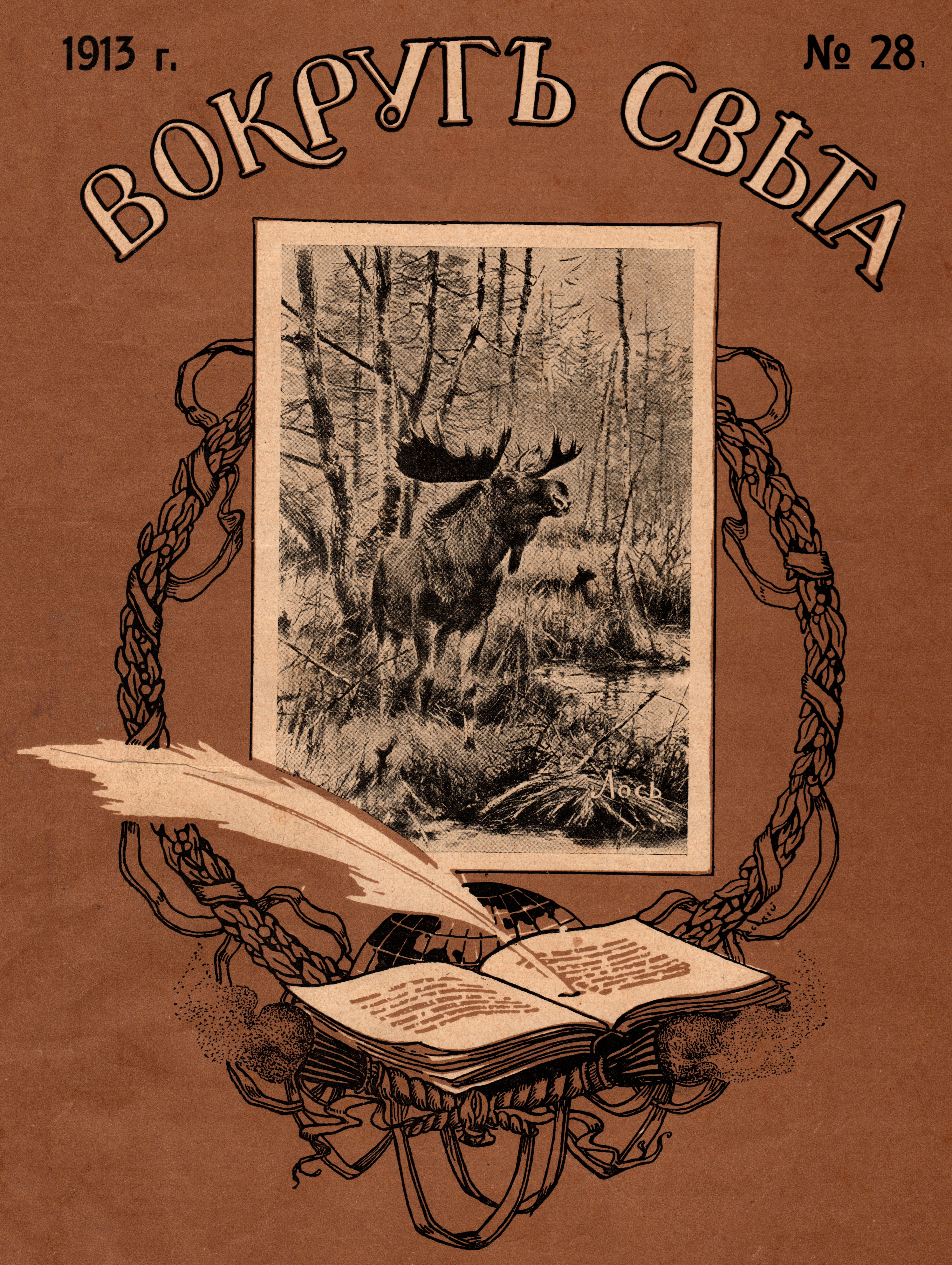
1913 г. № 28.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПѢСНИ И ЛЕГЕНДЫ КАНАКОВЪ.

Сторожъ мертвыхъ.

Онъ живетъ съ тѣми, что спятъ подъ землей и на вѣтвяхъ деревьевъ. Онъ всегда одинъ и бесѣдуетъ только со своею мыслью, старый Нешуа, другъ мертвыхъ.

Каждое солнце находитъ его спящимъ, утомленнымъ ночными трудами, а луна видитъ, какъ бродитъ онъ, согнувшись, по лѣсу.

Цвѣты ищетъ въ лѣсу Нешуа—цвѣты смерти и цвѣты жизни. Цвѣтокъ ніаули испускаетъ томный запахъ: отъ него засыпаютъ. Цвѣтокъ тээли горитъ въ темнотѣ зеленымъ пламенемъ, а настой изъ него согрѣваетъ сердце.

Все онъ знаетъ, Нешуа, старый знахарь: умѣетъ раздуть гаснущую искру старика, можетъ затушить, если хочетъ, пламя молодого воина.

На деревьяхъ стучатъ отъ вѣтра сухія кости, подъ землей, Нешуа слышитъ, какъ ползаютъ черви, точатъ мертвую плоть мокрицы.

Слушаетъ Нешуа и дремлетъ, а душа его бродитъ далеко, среди чужихъ людей, по чужимъ побережьямъ. Нужны всѣ слова бѣлыхъ, черныхъ, чтобы разсказать все, что душа его видитъ.

Вѣдь онъ знаетъ, Нешуа, все, что есть и что было, знаетъ всѣ преданья и пѣсни. Помнитъ онъ время, когда не было бѣлыхъ, когда мертвыхъ еще не клали на деревья, помнитъ времена до Великой Бури и что было раньше, куда раньше...

Коралловый Рифъ.

Вонъ тамъ, у подножья утесовъ, — Рифъ, покрытый коралловыми цвѣтами. Вокругъ него волны ловятъ другъ друга, и рѣзвятся разноцвѣтныя рыбы.

Но человѣкъ не пройдетъ туда безнаказанно: ни пѣшкомъ ни на легкой пирогѣ. Тамъ, въ пещерѣ, прячется голодная Паймэ [1]), тамъ бродитъ Ондуэ [2]) съ дырами вмѣсто очей.

Въ бурю и въ тихую погоду Рифъ всегда поетъ: то шопотомъ, какъ солома на крышѣ, то съ воемъ, какъ вдова тэама. О чемъ она поетъ? Обо всемъ,—много онъ на вѣку своемъ видѣлъ.

Разъ къ нему старикъ пришелъ, просилъ смерти у моря. Тряслись у него ноги, не могъ ужъ онъ бѣгать. Зубы стерлись совсѣмъ: трудно было жевать коренья.

Сынъ ему говоритъ: „Довольно, старый, ты пожилъ, не счесть твоихъ сборовъ игнама [3]). Зубы сгнили у тебя, ноги трясутся, пора тебѣ спать съ мертвецами. Видишь топоръ изъ зеленнаго камня: остеръ онъ, въ моей рукѣ не знаетъ онъ промаха: безъ боли изъ тебя душа „вылетитъ".

Но старый топора испугался. Легче ужъ умереть подъ водой, потихоньку. Взялъ онъ гребень любимый, которымъ сватался къ своей старухѣ [4]), и въ отливъ пошелъ спать у подножья Рифа.

А то еще была молодая попинэ, по имени Кеа. Никто не зналъ за ней печали, — развѣ есть время печалиться молодымъ попинэ? Цѣлый день улыбалась Кеа, цѣлый день пѣла веселыя пѣсни.

Разъ она плясала на праздникѣ спѣлыхъ игнамовъ, былъ у нея на головѣ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ панайи. А къ утру пошла на взморье и по камнямъ, легкая какъ тростинка, добралась до самаго Рифа.

Чего тамъ искала? Кто знаетъ... Когда море выбросило ее на берегъ, въ волосахъ еще не завяли цвѣты панайи.

Вотъ о чемъ поетъ Куиндіи, старый Рифъ. И о другомъ еще многомъ...

[1]) Паймэ—Смерть.

[2]) Ондуэ—мертвецы, утопленники.

[3]) На островахъ Н. Каледоніи времена года не различаются между собой, и время мѣряютъ не годами, а сборами игнама.

[4]) Канаки сватаются, бросая къ ногамъ дѣвушки черепаховый гребень.

Блѣдныя деньги.

Старому вождю нужны деньги, — хочетъ домъ свой украсить шкурками летучихъ мышей, — видно сонъ у него безпокойный [1]). Велитъ онъ привести Нешуу, стараго знахаря, зеленоглазаго.

Знахарь обѣщаетъ достать деньги, но нужна ему красивая попинэ. Идетъ онъ въ хижину Адалеи, идетъ къ Адалеи, отцу молодой Паи.

Говоритъ ей:

— Мангэ, моама, пойдемъ, солнце заходитъ.

Испугалась Паи: знаетъ, поведутъ сегодня дѣвушку къ Ти-Ондуэ, Рѣкѣ Мертвыхъ.

Ночь спустилась на землю, вѣтеръ плачетъ слезами. Снимаетъ Нешуа съ нея поясъ; одѣваетъ въ плащъ изъ соломы.

Узнала Паи жертвенный плащъ, смотритъ на отца со слезами, но отецъ отвернулся, рукой лицо закрываетъ. Паи думаетъ: „Защитилъ бы меня женихъ Нама, но далеко Нама, сражается".

Снова говоритъ Нешуа: „Мангэ, моама" и уводитъ дѣвушку изъ дома. Думаетъ она: „Нама по дорогѣ встрѣтится". Знаетъ, на войнѣ Нама, но люди до конца надѣются.

Далеко до Ти-Ондуэ, для живыхъ нѣтъ туда ни морского пути ни пѣшей дороги. Гонитъ передъ собой Нешуа попинэ, плачетъ она, тоскуетъ.

Въ темнотѣ идутъ лѣсомъ; воетъ вѣтеръ въ вѣтвяхъ печально. Что бѣлѣетъ тамъ между стволами? Ужъ не разсвѣтъ ли? Нѣтъ, — то бѣлая вода Ти-Ондуэ, Рѣка Мертвыхъ.

Страшнымъ становится знахарь. Какъ свѣтляки горятъ его очи. Упирается Паи, кричитъ, но толкаетъ ее Нешуа въ воду.

Бурлитъ вода, вздымается. Окружаютъ мертвецы попинэ, обвиваютъ блѣдными руками, тянутъ на дно, въ свое жилище.

Скрылась подъ водой попинэ. А на утро знахарь находитъ ея плащъ, весь покрытый деньгами,—плата мертвецовъ за красавицу [2]).

Теперь у вождя денегъ много, все что нужно онъ купитъ и еще въ запасъ отложитъ. И даетъ онъ двѣ горсти Адалеи, отцу Паи, даетъ деньги... чтобы утѣшить.

„Р. Вѣд."

[1]) Духи боятся летучихъ мышей, которые въ сумеркахъ гоняются за ними; поэтому шкурки летучихъ мышей предохраняютъ отъ недобрыхъ сновъ.

[2]) Серебряныя деньги внушаютъ канакамъ страхъ и отвращеніе; серебро они считаютъ „трупомъ злота", „металломъ мертвыхъ".

Новый гигантскій проектъ американцевъ.

Грандіозные проекты, великіе планы, гигантскія сооруженія, о которыхъ говоритъ весь міръ,—потребность американцевъ.

Одно изъ величайшихъ предпріятій, записанныхъ въ исторіи человѣчества,—прорытіе Панамскаго канала — близится къ своему концу, и тревожный умъ американскихъ инженеровъ уже занятъ новыми гигантскими планами, которые должны привести міръ въ изумленіе.

Они намѣреваются на этотъ разъ не больше и не меньше, какъ измѣнить климатъ Атлантическаго побережья Соединенныхъ Штатовъ на мягкій, почти тропическій, и для этого хотятъ заставить Лабрадорское теченіе измѣнить свой курсъ.

Вглядѣвшись въ карту теченій вдоль восточныхъ береговъ Соединенныхъ Штатовъ, легко понять основную мысль плана, трудно повѣрить въ исполнимость его.

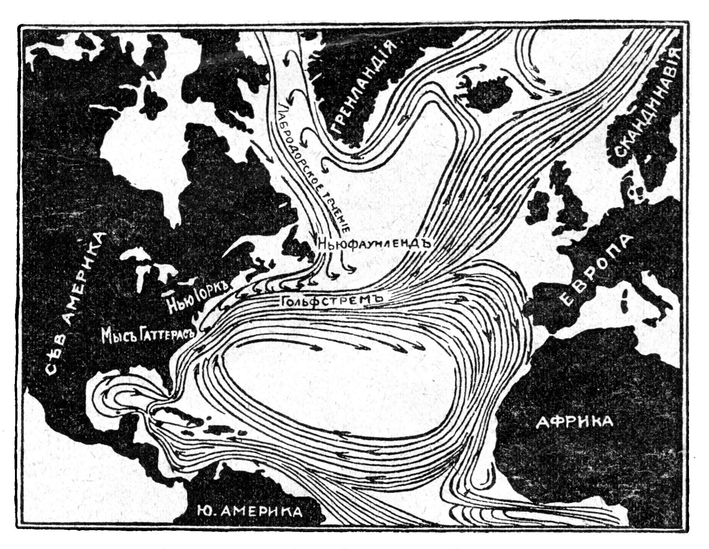
Когда теплое теченіе гольфштрёма выходитъ изъ Мексиканскаго залива, оно идетъ вдоль берега мимо Флориды и дальше до мыса Гаттерасъ. Здѣсь оно покидаетъ берегъ и отклоняется на востокъ, частью потому, что выходитъ здѣсь изъ-подъ вліянія юго-западныхъ вѣтровъ, частью потому, что вращеніе земли заставляетъ его принять болѣе восточное направленіе. Это позволяетъ холодному Лабрадорскому теченію, идущему съ сѣвера, подойти къ берегу и оградить его „холодной стѣной" отъ благословеннаго вліянія гольфштрёма.

Какъ велико вліяніе на климатъ Американскаго побережья этого холоднаго теченія, можно судить по слѣдующему факту: когда судно стоитъ на мѣстѣ столкновенія этихъ двухъ теченій, то температура воды у его кормы и его носа имѣетъ разницу въ 15 градусовъ!

Отъ мыса Гаттерасъ голубыя волны гольфштрёма и зеленоватыя волны холоднаго теченія идутъ рядомъ, но въ противоположныхъ направленіяхъ, до Нью-Фаундленда, гдѣ происходитъ столкновеніе между тѣмъ и другимъ. Лабрадорское теченіе въ своемъ стремленіи съ сѣвера налетаетъ на гольфштрёмъ, которое, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ сильно отталкивается на востокъ къ Европѣ отмелями у Нью-Фаундленда. Результатомъ этого столкновенія является то, что Лабрадорское теченіе пробирается къ самымъ берегамъ Америки.

Основной идеей проекта является перенесеніе этого столкновенія дальше на востокъ, гдѣ океанъ глубже, посредствомъ гигантской запруды, которая должна тянуться отъ береговъ Нью-Фаундленда на 300 километровъ въ восточномъ направленіи. Авторъ проекта утверждаетъ, что эта плотина заставитъ верхнюю часть холоднаго теченія съ ледяными горами поворотить обратно къ сѣверу, а нижнюю часть его уйти подъ гольфштрёмъ. Тогда на Атлантическомъ побережьи Сѣверной Америки зимы будутъ мягкія и непродолжительныя.

Планъ великъ и простъ.

Карта морскихъ теченій у береговъ Соединенныхъ Штатовъ.

Остается только вопросъ, захочетъ ли природа повиноваться человѣку, и повѣрятъ ли государство или капиталисты въ исполнимость этого проекта настолько, что дадутъ нужные для исполненія его милліоны.

Но если даже и тотъ и другой вопросы будутъ рѣшены въ утвердительномъ смыслѣ, останется еще одно затрудненіе: согласятся ли европейскія страны на то, чтобы кто-нибудь измѣнялъ теченіе гольфштрёма, этого источника жизни Англіи, Норвегіи и другихъ европейскихъ странъ?

Е. Т.

XXIX г. изданія. 28 іюля 1913 г.

№ 28 ВОКРУГЪ СВѢТА № 28

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
путешествій, науки, литературы и искусства.

Контора и редакція журнала: Москва, Тверская, д. Т-ва И. Д. Сытина, № 48. ▭ Тлф. 98-57.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовыя марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала, а также въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. За перемѣну адреса уплачивается три 7-ми-коп. почтовыя марки. Цѣна отдѣльнаго № журнала 10 коп., съ книгой — 40 коп. (съ пересылкой).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ: съ 24 кп. собранія художественн. соч. Л. Н. Толстого, съ пересылкой и доставкой 7 р. Допускается разсрочка: 3 р. при подп., 2 р. къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля. — съ 48 книг. полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, съ пересылкой и доставкой 11 р. Допуск. разсрочка: при подпискѣ 4 р., къ 1 апр. 4 р. и къ 1 іюля 3 р. Замѣна перваго изд. вторымъ и наоборотъ послѣ подп. не допускается.

НА «КРЫШѢ» НОВАГО СВѢТА.

Какъ плоскогорье Памиръ въ центральной Азіи значитъ «крыша міра» въ смыслѣ высшей точки, откуда «виденъ весь міръ», такъ въ Америкѣ вполнѣ заслуживаетъ названія «Крыши Новаго Свѣта» еще почти неизвѣданное плоскогоріе въ Андахъ, гдѣ берутъ истоки и протекаютъ своимъ верхнимъ теченіемъ главные притоки Амазонки.

Несмотря на то, что сѣверная часть Перу, гдѣ лежитъ плоскогорье, уже около четырехъ вѣковъ извѣстно европейцамъ, есть мѣста, еще вовсе не изслѣдованныя.

Къ числу ихъ принадлежитъ пустыня Сехура, лежащая на пути къ перевалу черезъ Анды къ Тихому океану. Здѣсь среди пустыни стоитъ городокъ Піура, основанный Пизарро въ странѣ инковъ.

Мѣстность представляетъ высокій интересъ, какъ въ геологическомъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи, и въ 1812 г. сюда направилась англійская научная экспедиція Л. Э. Пратта, начавшая свое путешествіе изъ небольшой перуанской гавани у Великаго океана—Піята.

Заимствуемъ изъ отчета Пратта описаніе пути къ «крышѣ міра» Новаго Свѣта, къ которому относится наша фотографія, снятая Праттомъ стереоскопической камерой.

Дорога въ перуанскихъ Андахъ по краю пропасти.

«Пробывъ нѣсколько дней въ Піурѣ, разрушенной сильнымъ землетрясеніемъ въ предыдущемъ году, мы начали свое путешествіе къ «Крышѣ Новаго свѣта», 14 мая 1912 г. Дороги нѣтъ никакой и приходится руководиться только инстинктомъ арьеро, погонщика муловъ. Найти настоящій путь очень трудно, такъ какъ песчаныя дюны, переносимыя вѣтромъ съ мѣста на мѣсто, постоянно измѣняютъ ландшафтъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, онъ становился все болѣе интереснымъ; вдали уже обрисовывались снѣжныя пики Андовъ.

«Подъемъ шелъ довольно круто. Мы день за днемъ поднимались все выше, и мѣстность дѣлалась все суровѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразнѣе и красивѣе. Временами приходилось ѣхать по узкому карнизу надъ пропастью съ одной стороны, а съ другой стороны къ намъ подступали размытыя періодическими ливнями дикія скалы, достигавшія, казалось, до неба.

«Здѣсь, на высотѣ 6000 фут., надъ облаками, господствовала глубокая тишина, нарушаемая только понуканіями нашего арьеро. Мулы наши съ трудомъ поднимались среди облаковъ туда, гдѣ природа царствуетъ одна во всемъ своемъ блескѣ. Въ подобныхъ мѣстахъ человѣкъ чувствуетъ себя будто не на землѣ, сознавая свое ничтожество и безсиліе.

«Кругомъ ни единаго живого существа; за все время мы только изрѣдка видѣли птицу или бабочку. Бѣлыя облака клубились въ поросшихъ лѣсами пропастяхъ, изрѣдка прорѣзанныя одинокимъ горнымъ пикомъ, дававшимъ иллюзію острова, выступающаго среди бушующихъ волнъ.

«Достигши высоты 13 тыс. футовъ, мы начали спускаться къ маленькому городку Хуанкамбамба, лежащему по ту сторону перевала на высотѣ 6400 футовъ, откуда предполагали начать свое плаваніе по рѣкѣ Чинчипе, впадающей въ Мораньонъ,—одинъ изъ величайшихъ притоковъ Амазонки,—и извѣстной своими 38 порогами, которые намъ предстояло проѣхать».

А. Г.

Надъ святымъ озеромъ (Далай-Норъ).

Повѣсть Михаила Круковскаго.

VI.

Въ погоню на плотахъ. — Буря на Байкалѣ. — Гибель Бурядана.

Мѣрно, плавно катитъ свои воды красавица Селенга. Но это лишь когда она прорѣзаетъ степныя пространства. Быстрымъ горнымъ потокомъ вытекаетъ она изъ вершинъ хребта Хангай, что въ Монголіи; успокаивается, проходя кедровыя рощи и степи, огибая склоны горъ, дѣлаетъ крутые повороты и, принявъ нѣсколько притоковъ, превращается въ сварливую, бурную рѣку, вѣчно ропчущую, ведущую упорную борьбу со встрѣчными подводными камнями. Потомъ она вступаетъ въ предѣлы Забайкалья и широкимъ устьемъ вливается въ дельту Байкала. Тамъ стоитъ маякъ. Отъ Хангая до Байкала она дѣлаетъ 300 верстъ. Песчаное дно ея находится на двѣнадцатисаженной глубинѣ, но бываетъ и меньше.

Знаетъ Буряданъ Селенгу, хорошо знаетъ. Много разъ онъ ѣздилъ по ней, извѣстенъ ему каждый камень, едва прикрытый водой, грозящій гибелью плоту; знакомы ему передвигающіяся отмели, повороты, главное русло. Увѣренно правитъ онъ рулемъ и лишь изрѣдка кричитъ Пехусаю грести или подпираться шестомъ.

Теченіе Селенги—десять верстъ въ часъ, плоты несутся быстро. Изрѣдка, когда откроются луговыя пространства, Бурядань внимательно всматривается вдаль, — не видно ли тамъ его лошадей.

Ничего не видно.

И ѣдутъ дальше, стараясь сдѣлать по спокойной водѣ возможно больше верстъ. Къ вечеру причалили на ночлегъ. И то сказать: съ утра ничего не ѣли. Бурядань занялся чаемъ, Пехусай побѣжалъ въ степь: не видно ли слѣдовъ. По близости проходитъ Кяхтинскій трактъ. Ничего не нашелъ. Конокрады, видно, проѣхали гдѣ-нибудь стороной, по степи.

Раннимъ утромъ тронулись дальше. Миновали Кяхту, которая стоитъ верстахъ въ тридцати вправо отъ Селенги, вступили въ гористое мѣсто. Плоты неслись все быстрѣе, Бурядань изо всѣхъ силъ налегалъ на руль, чтобы обойти опасныя мѣста. Плоты колыхались, кружились въ водоворотахъ, но рука Бурядана выводила ихъ изъ этихъ опасныхъ мѣстъ. Когда вновь открылись широкія луговины, путники рѣшили основательно изслѣдовать мѣсто. На этотъ разъ труды ихъ увѣнчались успѣхомъ. На кяхтинскомъ тракту они нашли множество слѣдовъ. Нѣтъ сомнѣнья, это не арбы съ чаемъ ѣхали, это шелъ цѣлый табунъ. И слѣдъ еще свѣжій. По запаху, очертаніямъ слѣдовъ, по безпорядку, въ какомъ шли лошади, буряты пришли къ заключенію, что это несомнѣнно шелъ ихъ табунъ.

Обрадовались и опять помчались въ погоню.

— Пехусай! Подпирайся справа, коровья голова!—то и дѣло командуетъ Бурядань

— Осаживай плоты, держись!..

Черезъ нѣсколько дней, благополучно миновавъ самыя опасныя мѣста, достигли города Селенгинска.

Небольшой это городокъ, ничего въ немъ особеннаго нѣтъ, хотя и стоитъ при рѣкѣ, на небольшомъ тракту. Разспрашивали тамъ о своихъ лошадяхъ. Никто ничего не могъ сказать имъ. И правда: чего ворамъ тутъ дѣлать. Лошадей здѣсь не сбудешь.

Скоро и Байкалъ. Тамъ надо ловить русовъ. Въ маленькомъ городкѣ Верхнеудинскѣ, похожемъ скорѣе на маленькое село, чѣмъ на городъ, снова сдѣлали остановку, и наконецъ-то поиски ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Сказали бурятамъ, что въ степи дѣйствительно остановился какой-то табунъ,—очевидно, его гонятъ тѣ русы, которые закупили здѣсь въ лавкахъ много товара. Пехусаю удалось замѣтить, когда изъ лавки выходилъ русъ, одинъ изъ той артели, которая собирала орѣхи около ихъ улуса.

Но какъ задержать ихъ? Сядутъ на лошадей и умчатся. Сердце Бурядана горѣло. Онъ хотѣлъ всѣхъ воровъ перестрѣлять изъ винтовки. Посовѣтовали ему обратиться къ властямъ. Къ вечеру подстерегли конокрадовъ и накрыли всѣхъ за обильнымъ пиршествомъ.

— Вотъ онъ! Вотъ воръ!—кричалъ Бурядань,—указывая на бородатаго руса, хозяина артели.—Онъ кралъ мой табунъ. Я—тайша.

Онъ яростно размахивалъ винтовкой.

Лошади, услышавъ знакомые голоса, радостно заржали.

Долго спорили конокрады, доказывали, что это ихъ табунъ, ничего не могли доказать и сознались. И получилъ Бурядань своихъ лошадей подъ счетъ обратно.

Всполошился весь городокъ. На радостяхъ Бурядань купилъ себѣ русской арсы, провизіи, устроилъ на берегу пиршество. Послѣ такихъ трудовъ—полагается.

Не забылъ помянуть благодарной мыслью добрыхъ духовъ, вспомянулъ и своего бурхана. „Хорошо, что я впору наказалъ его,—подумалъ старикъ; — дѣлай свое дѣло хорошенько, не буду бить; пожалѣю: не стану продавать“.

Лошади отысканы; но что дѣлать дальше. Объ этомъ Бурядань заранѣе подумалъ. Не везти же черезъ Байкалъ. Послѣ долгихъ размышленій рѣшилъ Бурядань отправить лошадей съ Пехусаемъ сухопутьемъ, самому ѣхать въ Иркутскъ, а въ помощники пригласить какого-нибудь попутчика. Такъ и сдѣлалъ. Нашелъ въ городѣ двухъ попутчиковъ, а Пехусая съ лошадьми отправилъ домой.

Скорѣе бы захватить вторую половину табуна; она должно быть уже подходитъ къ Иркутску.

Раннимъ утромъ пустился Бурядань на своихъ плотахъ въ дальнѣйшій путь. Только бы Далай-Норъ переплыть, а тамъ все пустяки.

Миновали рукава Селенги, маякъ, начали входить въ озеро. Сурово, мрачно посмотрѣло оно путникамъ въ глаза. Словно допытывалось: что вы за люди? какія у васъ сердца! бѣлыя или черныя? И тусклое небо печально поглядывало на плоты, которые казались ему съ высоты простыми щепками, брошенными на широкую поверхность священнаго озера. Всѣмъ въ душу невольно закрадывается страхъ. Кругомъ вода и вода. Байкалъ слегка волнуется, плещется о борта плотовъ, но до верха ихъ волны не достигаютъ.

„Съ такой-то волной какъ не доѣхать до того берега,— думаетъ Бурядань, — къ вечеру доѣдемъ. Здѣсь только шестьдесятъ верстъ, а какъ ѣхать—знаю. Не впервые“.

И смѣло несутся плоты впередъ. Но послѣ полдня плыть стало труднѣе. Набѣжалъ вѣтерокъ, по мрачному, тусклому небу понеслись хороводы скучныхъ непріятныхъ тучекъ, воздухъ замѣтно похолодѣлъ. Волны начали путаться, задерживали ходъ плотовъ. Посмотрѣлъ Бурядань

кругомъ, прислушался къ дуновенію вѣтра, — не хорошо подуло. Надо торопиться.

— Греби сильнѣе! Сарма идетъ!—крикнулъ онъ своимъ спутникамъ.

Волны окружили плоты со всѣхъ сторонъ и бьютъ ихъ сильнѣе... Кажется, плоты не идутъ, а стоятъ на мѣстѣ; но это только кажется: они плывутъ, но уже не такъ быстро,—волны задерживаютъ ихъ ходъ. А небо все тускнѣетъ, сарма крѣпнетъ. Байкалъ уже не шумитъ, а гудитъ, волны громоздятся другъ на друга, сильнѣе ударяютъ о плоты, поднимаются всё выше и выше, должно-быть, нижніе кули уже подмокли. Стоящіе на веслахъ русы уже призываютъ Господа Бога на помощь, покрестились бы, да заняты руки. Буряданъ вспоминаетъ всѣхъ духовъ, летающихъ надъ моремъ, проситъ ихъ смилостивиться, пощадить его, плоты, орѣхи, табуны, родныхъ... Обѣщаетъ богатыя жертвы. Зачѣмъ Далай-Норъ выпустилъ съ Шамонскаго быка всѣхъ онгоновъ?

Сарма будетъ сильнѣе. Спѣшитъ ей навстрѣчу и баргузинъ. Началась страшная короткая волна. Нависла надъ озеромъ полутьма. Видны только верхушки ближайшихъ валовъ. Вдругъ озарилось мрачное небо зловѣщимъ огнемъ, едва успѣло освѣтить пѣнистыя верхушки волнъ, и грянулъ ударъ грома. Отъ неожиданности люди едва не попадали въ воду. Гулкимъ эхомъ раскатился громъ по всей шири Байкала и смѣшался съ ревомъ его. За первымъ ударомъ послѣдовалъ другой, третій... пошла такая пальба, какой не видалъ и не слыхалъ весь міръ.

Разсвирѣпѣлъ Байкалъ.

Ему захотѣлось потягаться съ самимъ небомъ: кто побѣдитъ. И началъ посылать свои валы, одинъ выше другого: бѣгите, бейтесь другъ о друга, ударяйтесь о прибрежныя скалы, поднимайте свои верхушки до самаго неба, разрушайте все на свѣтѣ, покажите мою силу и власть.

Буряданъ увидалъ надвигавшійся на него гигантскій валъ.

И помчались волны другъ за другомъ. То поднимутся, подпираемыя другими, высоко-высоко, то глубоко, словно широкая пядь, упадутъ куда-то въ глубину, съ тѣмъ чтобы опять подняться на нѣсколько саженъ вверхъ. Орѣхи давно подмочены, плоты отяжелѣли; люди промокли; руль Бурядана сломанъ, весло на переднемъ плоту—тоже, люди цѣпляются за веревки и за что ни попало, лишь бы удержаться. Смерть идетъ...

Да, она недалеко.

Грянулъ могучій раскатъ грома. Содрогнулся Байкалъ. При блескѣ мимолетной молніи Буряданъ увидѣлъ чудище надвигающееся на него. То—гигантскій валъ, высотой въ нѣсколько саженъ, длинный, крѣпкій, шипящій... Все ближе и ближе надвигается онъ, уже слышенъ его шумный ходъ, уже долетаютъ его брызги... Вотъ онъ уже надъ головой... Прощай, старуха... Шинтая... Пехусай... Дѣти... прощай... Прощай, Буряданъ...

Два дня ревѣлъ и бѣсновался Далай-Норъ. Уже просвѣтлѣло небо, и сердитая сарма умчалась въ далекія страны, чтобы разсѣяться гдѣ-нибудь въ окружающихъ, высокихъ горахъ, а Байкалъ все еще игралъ своими валами.

Онъ торжествовалъ полную побѣду надъ небомъ.

Постепенно уменьшались валы, стихалъ ихъ шумъ, и наконецъ они перешли въ ту широкую, плавную зыбь, въ которой такъ красиво, жемчужно-перламутровымъ, холоднымъ отливомъ отражается спокойное солнечное небо.

Понемногу и онъ началъ успокаиваться. Все успокоилось. Только мокрыя скалы уныло напоминаютъ о недавней битвѣ стихій.

Видна еще на широкомъ лонѣ водъ маленькая, черная точка; мелькаетъ она вблизи самаго маяка. Должно-быть, люди замѣтятъ ее.

Это—перевернутые плоты Бурядана.

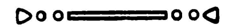
Людей на нихъ не видно. Должно быть, они на днѣ. Но тамъ, вдали, виднѣется еще какая-то точка, маленькая, едва замѣтная. Кто бы могъ подумать! Вѣдь это простая омулевая бочка. Плавно колыхаясь, плыветъ она среди широкой зыби; стоитъ въ ней человѣкъ и гребетъ доской, и громкимъ, раскатистымъ голосомъ распѣваетъ на все озеро какую-то странную, но въ то же время могучую властную пѣсню.

Это — каторжанинъ. Онъ бѣжалъ изъ своей душной тюрьмы на волю, и пѣсня его поэтому звучитъ такъ гордо, такъ свободно.

Грозное море, священный Байкалъ!
Славный корабль, омулевая бочка!
Гей, Баргузинъ, пошевеливай, валъ!
Плыть молодцу — недалечко!
Долго я звонкія цѣпи носилъ;
Душно мнѣ было въ стѣнахъ Акатуя,—
Старый товарищъ бѣжать пособилъ,
Ожилъ я, волю почуя.
Нерчинскъ и Шилка—не страшны теперь!
Грозная стража меня не видала.
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь.
Пуля стрѣлка миновала!
Шелъ я и ночью и средь бѣла дня,
Вкругъ городовъ озирался я зорко,
Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой!
Грозное море, священный Байкалъ!
Славный и парусъ,—армякъ дыроватый!
Гей, въ Баргузинъ пошевеливай, валъ!
Слышатся грома раскаты!..

Сродни Байкалъ этому, рвущемуся на свободу человѣку. Онъ тоже заключенъ въ тюрьму, окруженъ горами и скалами, которыя вѣчно тѣснятъ его. Посылаетъ онъ вслѣдъ отважному пловцу свои ласковыя, зыбкія волны, чтобы скорѣе они вынесли его на желанный широкій просторъ, на свободу!

КОНЕЦЪ.

КРАСНАЯ ПОЛЯНА.

(Путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по черноморскому побережью Кавказа К. Левина).

I.

Когда я ѣхалъ восточнымъ берегомъ Чернаго моря, то изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ побережья меня болѣе всего интересовала Красная Поляна, о климатѣ, мѣстоположеніи и растительности которой писали и разсказывали чудеса.

Въ Новороссійскѣ наша компанія перемѣстилась изъ душнаго и пыльнаго поѣзда на черноморскій пароходъ. Море было тихое; дулъ прохладный, ласкающій вѣтерокъ, и мы радовались, что отдохнемъ во время перехода отъ Новороссійска до Адлера.

Ночь была тихая. Полная луна свѣтила надъ моремъ, отражаясь въ немъ безконечной вереницей серебряныхъ бликовъ После двухъ дней мучительнаго пути я крѣпко уснулъ на палубѣ. Въ семь утра меня разбудили.

Мы приближались къ Адлеру. Если съ парохода посмотрѣть на Адлеръ, то это—бѣдная, невзрачная деревушка. Таковъ онъ и на самомъ дѣлѣ. Въ немъ двѣ-три грязныхъ гостиницы; много лавокъ, довольно неопрятныхъ; много пыли и песку. Зато море въ Адлерѣ дѣвственно чистое, рѣшительно ничѣмъ не загрязняемое. Оно то изумрудное, то бирюзовое, то лазурное. И при купаньѣ сквозь зеленый тонъ воды вы ясно различаете на днѣ моря каждый камешекъ.

Изъ Адлера около 8 часовъ утра мы направились на линейкахъ въ Красную Поляну. Ѣхать пришлось по шоссе, которое на протяженіи 45 верстъ идетъ чуднымъ лиственнымъ лѣсомъ, вѣрнѣе — роскошнѣйшимъ паркомъ. Этотъ паркъ представляетъ собою, если позволительно такъ выразиться, своеобразную симфонію изъ сочетанія разнообразнѣйшихъ лиственныхъ породъ.

Положительно не насмотришься, не налюбуешься на нѣжную, мягкую, сочную зелень, которая покрываетъ собою сплошь и долины и склоны горъ.

Начиная отъ прибрежной долины, шоссе все время идетъ въ гору. Оно то выходитъ на обрывистый берегъ Мзымты, которая реветъ и кипитъ глубоко внизу, широко разливаясь по каменистому руслу, то уходитъ въ сторону отъ нея и идетъ въ глуши многовѣковаго лѣса. Край обрыва на шоссе вездѣ огражденъ парапетомъ.

Доведя шоссе по Мзымтѣ до ущелья Ахцу, инженеры пошли на рискъ—повели шоссе берегами Мзымты, которые на протяженіи 4 верстъ въ буквальномъ смыслѣ не только отвѣсные (перпендикулярно), но даже свѣсившіеся, наклонившіеся надъ рѣкой, высотой въ 3500 футовъ.

Вести шоссе черезъ перевалъ, гдѣ прежде шла черкесская горная тропа, невозможно, такъ какъ сильная крутизна подъема явилась бы непреодолимымъ препятствіемъ для экипажнаго движенія. И вотъ, обходя это затрудненіе, строители шоссе рѣшили повести его по отвѣсной сторонѣ обрыва. Въ двухъ мѣстахъ пришлось прибѣгнуть даже къ устройству тоннелей. Это стоило не только большихъ денегъ, но и многихъ жизней.

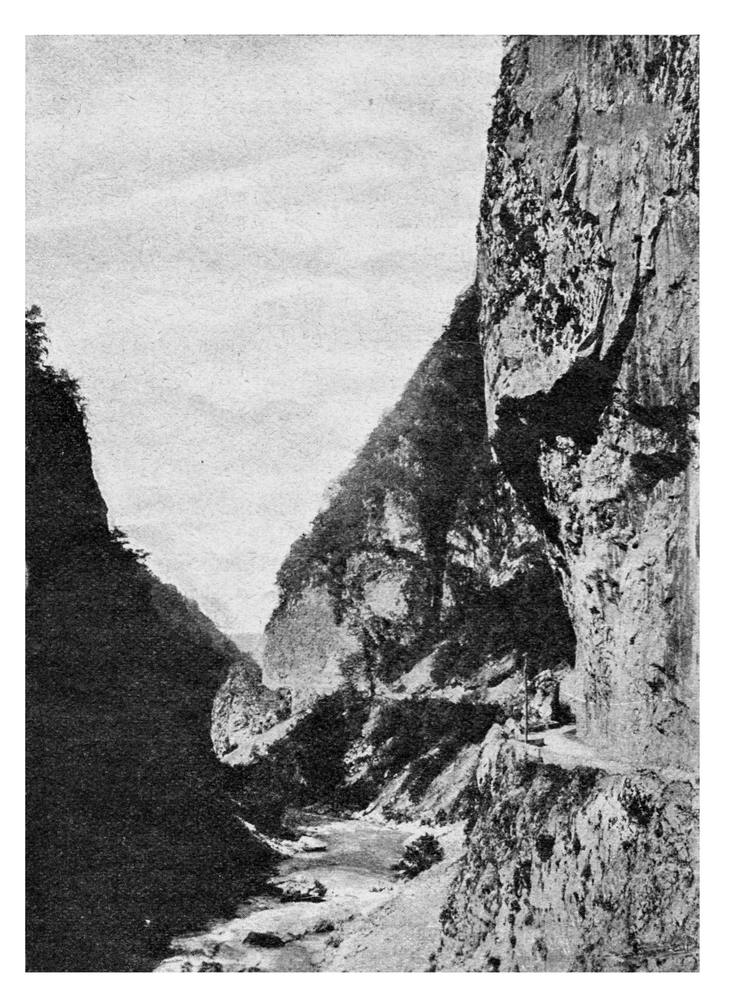
До сорока турецкихъ рабочихъ сложили здѣсь свои головы при завоеваніи у природы удобнаго для человѣка пути. Впрочемъ, эта часть шоссе и до сихъ поръ не вполнѣ безопасна. Въ 1909 году здѣсь были насмерть задавлены обваломъ двое—грекъ и священникъ. Не рекомендуютъ ѣздить по шоссе въ то время, когда возможны обвалы; обвалы же бываютъ во время бурь и послѣ дождей. Слѣдовательно, болѣе или менѣе безопасно ѣхать по Краснополянскому шоссе лишь въ совершенно сухую и тихую погоду.

Для любителей сильныхъ ощущеній шоссе въ ущельѣ Ахцу представляетъ рѣдкій экземпляръ: внизу реветъ Мзымта, подмывая опору шоссе, а надъ головой высятся скалы изъ слабыхъ породъ, постоянно дающихъ осыпи, загромождающіе путь. Достаточно пройти по верхушкѣ Ахцу человѣку, медвѣдю и пустить внизъ, по направленію къ шоссе, маленькій камешекъ, чтобы получился серьезный обвалъ. Такие обвалы возможны въ любую пору.

II.

Около 6 часовъ вечера мы пріѣхали въ Красную Поляну, небольшой, совершенно некультурный греческій поселокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими горами съ богатой растительностью.

Первое ощущеніе—это тѣснота, отсутствіе простора для глазъ; лишь на востокъ пейзажъ открывается верстъ на 15, въ сторону синѣющаго Псеатхо, на которомъ видны даже и снѣговыя линіи. О красотѣ краснополянскаго пейзажа можно сказать немного: по обилію, мощи и поразительной красочности растительности это — chef d'oeuvre; и, навѣрное, такихъ мѣстъ ужъ не такъ много на землѣ.

Шоссе на Красной Полянѣ и скала «Пронеси Господи».

Одни утверждаютъ, что это—отличный курортъ для легочныхъ больныхъ, другіе,—что здѣсь слѣдуетъ устроить санаторій, въ которомъ больные должны жить круглый годъ и пользоваться Красной Поляной, какъ превосходной климатической станціей. А нѣкоторые (правда — изъ обывателей, а не изъ медиковъ) полагаютъ, что Красная Поляна особенно хороша для старыхъ людей. На чьей сторонѣ правда—я не знаю.

Населена Красная Поляна почти исключительно греками. Лѣтъ 30 тому назадъ сюда эмигрировали съ сѣвернаго Кавказа 13 греческихъ семействъ и сѣли на брошенныхъ черкесами мѣстахъ. Потомъ изъ Самарской губ. пришли эстонцы и образовали въ 4 верстахъ отъ Красной Поляны, вверхъ по Мзымтѣ, поселокъ Эстонку. И тѣ и другіе завладѣли землей по праву перваго захвата, а потомъ послѣ 10 лѣтъ владѣнія ею заявили начальству, которое приписало ихъ къ Сочинскому округу.

Греки поражаютъ своей некультурностью. Во время послѣдней оспенной эпидеміи они ни за что не хотѣли прививать себѣ оспу. Для предотвращенія поголовнаго заболѣванія пришлось прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ.

У грековъ двѣ школы — русская и греческая. Въ русской учитъ учитель, окончившій учительскую семинарію, а въ греческой два грека, спеціально выписанные для школы съ Крита. Греческая школа существуетъ на средства, собираемыя среди греческаго населенія поселка. Между прочимъ, въ общественной кофейнѣ стоитъ билліардъ, выручка съ котораго цѣликомъ идетъ на греческую школу. Вліянія школы на дѣтей какъ-то незамѣтно.

Живутъ греки страшно бѣдно и грязно. Для культуры Красной Поляны, можно сказать, они ничего не сдѣлали. Ни одной новой породы фруктовыхъ деревьевъ они не культивировали, до сихъ поръ пользуются жалкими крохами черкесской садовой культуры. Но столѣтнія черкесскія деревья уже частью выродились, частью просто погибли и продолжаютъ погибать отъ времени.

Главный продуктъ питанія—кукуруза; какъ подспорье—пшеница, особенно же груша. Собственно, кукуруза и груша тутъ—альфа и омега питанія не только людей, но и лошадей, коровъ, буйволовъ, даже собакъ и медвѣдей.

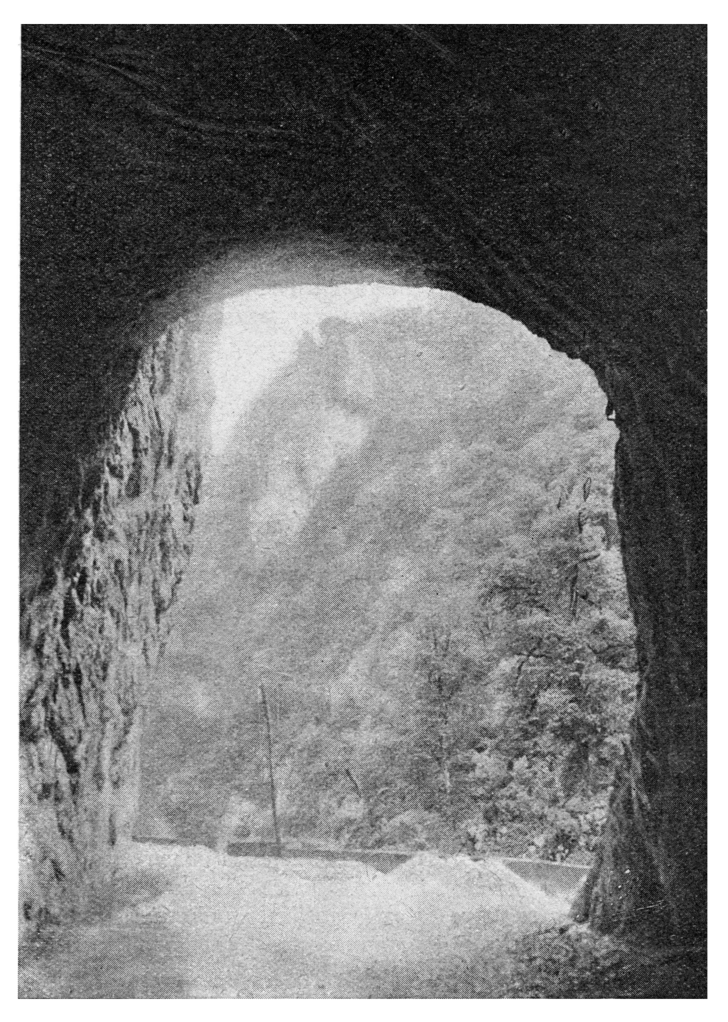
Медвѣди особенно любятъ и ту другую. Въ періодъ вызрѣванія кукурузы можно каждый день видѣть, какъ молодежь съ ружьями и собаками идетъ въ „ночное" на медвѣдей. Но застрѣлить ихъ на кукурузѣ не легко; скорѣе можно убить своего же буйвола (что порой и случается), чѣмъ медвѣдя.

Медвѣди слишкомъ умны и отлично чувствуютъ присутствіе людей.

Медвѣдей здѣсь очень много, но ихъ никто не боится. Даже туристы нерѣдко встрѣчаютъ ихъ на лѣсныхъ тропинкахъ, особливо вблизи остатковъ черкесскихъ садовъ. Сады привлекаютъ медвѣдей своими грушами. Но медвѣдь, какъ настоящій гастрономъ, за грушу принимается не ранѣе, чѣмъ она окончательно созрѣетъ. Въ періодъ ея вызрѣванія онъ не одинъ разъ въ недѣлю взлѣзетъ на дерево и, какъ человѣкъ, пробуетъ плодъ — вызрѣлъ ли.

Такъ какъ грушу въ лѣсу здѣсь съ одинаковымъ усердіемъ „трясутъ" люди и медвѣди, то изъ-за этого фрукта порой бываютъ конфликты между двуногими и четвероногими обитателями горъ.

Разъ одинъ разсѣянный эстонецъ, проходя лѣсомъ, замѣтилъ, что кто-то „трясетъ" грушу. Эстонецъ оказался большимъ любителемъ даровщинки. Не обращая вниманія на то, кто „трясетъ", онъ сталъ подбирать груши и набивать ими свои карманы. Но не успѣлъ онъ наполнить ихъ грушами, какъ вдругъ кто-то схватилъ его сзади, повалилъ на землю и началъ душить. Эстонецъ только тогда сообразилъ — чьей работой онъ воспользовался. Нечеловѣческія усилія проявилъ онъ, чтобы вырваться отъ медвѣдя. Медвѣдь оказался не особенно мстительнымъ и въ погоню за дармоѣдомъ не пошелъ. Эстонецъ утекъ восвояси сильно помятымъ.

Тоннель на Красной Полянѣ.

Прошлымъ лѣтомъ богомольцы сосѣдняго съ Красной Поляной монастыря пошли къ извѣстной имъ грушѣ, чтобы полакомиться только что созрѣвшими плодами. Но, не доходя шаговъ 50 до дерева, они увидѣли умилительную картину изъ семейной жизни. На деревѣ сидѣла медвѣдица и трясла грушу, а подъ деревомъ маленькіе медвѣжата собирали плоды и лакомились ими...

Эстонцы выгодно отличаются отъ грековъ. Въ Эстонкѣ—довольство, сытый и сильный скотъ, здоровые и веселые люди. Въ Эстонку я ходилъ съ издателемъ одной большой политической газеты. Когда мы увидѣли нарядную толпу эстонцевъ, идущую отъ церковной службы, то издатель, большой поклонникъ западно-европейской культуры, пришелъ въ восторгъ:

— Смотрите, какъ они великолѣпно одѣты, какія у нихъ славныя, умныя лица и какіе они всѣ здоровяки... Тутъ видна культура...

Мы зашли къ крестьянину Гиндову, который принялъ насъ очень радушно.

— Извините мой костюмъ,—говорилъ онъ.—Я недавно вернулся изъ Адлера, всю ночь былъ въ дорогѣ.

Гиндовъ говорилъ почти правильнымъ русскимъ языкомъ съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Въ короткихъ словахъ разсказалъ онъ намъ исторію своего переселенія на Кавказъ:

— 30 лѣтъ тому назадъ я пришелъ сюда, дѣтей несъ за плечами. Пришли, смотримъ—всѣмъ годнаго мѣста мало. Пришлось рубить заросли по рѣкѣ. Орѣшникъ былъ такой густой, что къ намѣченнымъ мѣстамъ приходилось добираться ползкомъ, на животѣ... Захватили мы по 7—8 десятинъ на семью, прожили 10 лѣтъ, и никто изъ на-

чальства объ этомъ не зналъ. Потомъ пошли въ городъ, заявили о себѣ, и начальство приписало насъ.

Гиндовъ—совсѣмъ культурный человѣкъ. На грушѣ передъ домомъ у него виситъ термометръ. Онъ читаетъ свою ежедневную газету. А когда мой спутникъ назвалъ ему себя, то оказалось, что онъ и съ его газетой знакомъ частью непосредственно, частью по перепечаткамъ своей газеты. У Гиндова огромная семья, что-то около 10—12 человѣкъ. Настоящій патріархъ. Дѣти у него цвѣтущаго вида и крѣпкаго сложенія. Да и самъ онъ еще — мужчина въ соку, не уступитъ сыновьямъ; жалуется только на ревматизмъ; прежде былъ страстнымъ охотникомъ, а потомъ бросилъ охоту; теперь этимъ занимаются сыновья.

Жена и дочь Гиндова показали намъ сукна и матеріи своей работы.

По чистотѣ отдѣлки и красотѣ окраски работа могла потягаться и съ фабричной. Даже модный рисунокъ соблюденъ въ точности. Работу свою онѣ показывали намъ съ видомъ нѣкоторой гордости и самодовольства.

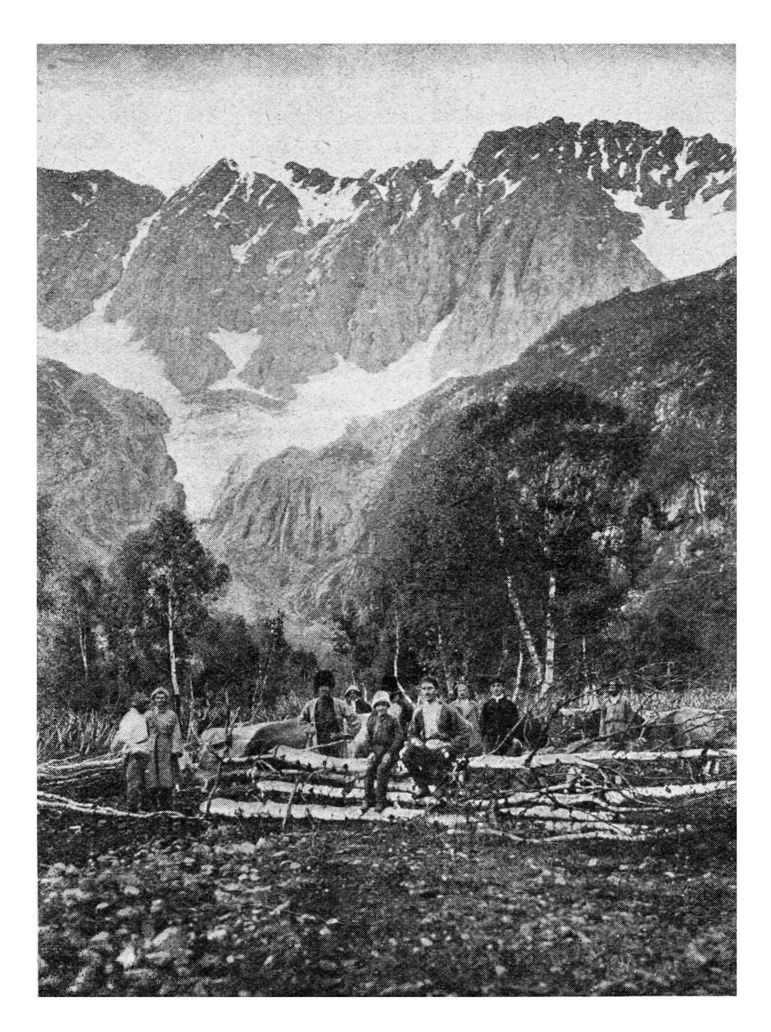
Въ заключеніе нашей бесѣды Гиндовъ показалъ намъ англійское письмо.

Подавая его, онъ говорилъ:

— Пожалуйста, прочтите. Сынъ получилъ аттестатъ, а что въ немъ написано, никто не знаетъ и некому дать прочесть.

Оказалось, что сынъ Гиндова въ 1908 году былъ проводникомъ американскаго мильярдера Вандербильда, который провелъ въ горахъ Кавказа цѣлый мѣсяцъ. По окончаніи своей прогулки, которую онъ совершалъ со свитой въ 20 человѣкъ, Вандербильдъ выдалъ Гиндову-сыну рекомендацію.

Мильярдеръ въ краткихъ словахъ пишетъ, что онъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Михайловичемъ (почему-то фамиліи нѣтъ) охотился въ горахъ Кавказа цѣлый мѣсяцъ и что для этой цѣли лучшаго человѣка онъ не знаетъ.

Урුштенскій ледникъ на горѣ Псеашхо.

Михаилъ Михайловичъ прослушалъ переводъ съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства.

III.

Туристъ можетъ смотрѣть на Красную Поляну, какъ на базу для горныхъ прогулокъ—не болѣе.

Отсюда можно дѣлать однодневныя прогулки на Ачишхо (7500 футовъ) и на Аибгу (8000 футовъ). Впрочемъ, слабосильные могутъ игти съ ночевкой. Для ночлега на высотахъ устроены деревянные балаганы.

Изъ продолжительныхъ прогулокъ въ смыслѣ художественномъ интересны восхожденіе на Псеашхо и поѣздка на озеро Кардывачъ.

Съ вершинъ Ачишхи и Аибги открываются захватывающія духъ панорамы.

Глубоко внизу тонутъ въ голубомъ эфирѣ долины. А на горизонтѣ во всѣ стороны могучіе кряжи горъ, то нѣжно-зеленыхъ, то мрачно-темныхъ, съ глубокими разсѣлинами, пропастями и снѣговыми линіями...

Прогулка на озеро Кардывачъ поражаетъ, очаровываетъ своими впечатлѣніями. При умѣренномъ движеніи она продолжается 4 сутокъ. Для полноты впечатлѣній дорогу слѣдуетъ разнообразить: въ одну сторону часть пути можно пройти долиной Пслухи, черезъ перевалъ Айшто, обратно—все время по Мзымтѣ.

Представьте себѣ, что въ теченіе 4 сутокъ вы не встрѣчаете настоящаго человѣческаго жилья, ночуете въ примитивныхъ пастушьихъ балаганахъ, остаетесь воистину на лонѣ природы, вдали отъ всякой житейской суеты!

Какое разнообразіе картинъ, красокъ, линій! Въ долинахъ яркая зелень заброшенныхъ черкесскихъ садовъ, буйная трава, черезъ которую порой трудно пробираться. И непремѣнно — бойкая горная рѣчка, въ которую со всѣхъ сторонъ бѣгутъ и сверкаютъ серебромъ веселые, звонкіе ручьи. А кругомъ—горы, покрытыя сказочной по своему богатству, по своей мощи растительностью. Отъ подножія до середины горы идетъ лиственный лѣсъ.

Фруктовыя деревья, букъ, чинары, кленъ... Потомъ темная полоса могучей горной лиственницы. За ней альпійскій кустарникъ и луга. Верхушка очень высокой горы — голая каменная или песчаная порода. Гора обычно окрашена въ нѣсколько тоновъ: вблизи сверкающая зелень, потомъ идетъ голубая окраска, затѣмъ — синяя и, наконецъ, обнаженная верхушка тонетъ то въ фіолетовомъ, то въ розовомъ, то въ багровомъ туманѣ...

Изъ долины Пслуха вы поднимаетесь на высоты по старой черкесской дорогѣ или по пѣшеходной тропинкѣ.

Тутъ, въ дебряхъ многовѣковаго лѣса-исполина, пустынно, тихо, молчаливо. Кругомъ дѣвственно-чистая, пушистая зелень (даже въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ!). Ни единаго звука ни шороха. Развѣ услышишь переливчатое журчаніе горнаго источника, да испуганная сойка закричитъ страннымъ голосомъ, похожимъ на человѣческій...

Въ этихъ горныхъ долинахъ и на пушистыхъ склонахъ горъ васъ охватываетъ новое чувство, какого вы не переживали въ другихъ мѣстахъ. Среди полнаго безлюдья, въ тиши многовѣковаго лѣса-великана, какъ-то вдругъ все забывается: прошлаго какъ будто и не бывало, о будущемъ совсѣмъ не думается, чувствуешь лишь настоящее, ощущаешь одну радость жизни, свѣтлое сознаніе бытія. И это неожиданное новое чувство поселяетъ въ душѣ сладостный миръ, тихое довольство. Вся горечь жизни куда-то уплываетъ. И какъ-то вдругъ люди и ихъ дѣла—и хорошія и дурныя—перестаютъ существовать. Эта временная отрѣшенность отъ міра, отъ жизни, отъ людей даетъ отдыхъ и новыя силы организму...

Поднявшись изъ долины Пслуха на перевалъ Аишхо, вы видите передъ собой всю только что пройденную до-

лину, видите вдали Красную Поляну и убѣгающую къ морю цѣпь горъ. При закатѣ солнца вы даже видите огненную полосу Чернаго моря. А на сѣверъ, востокъ и югъ высятся кряжи Кубанской области, средняго Кавказа и Абхазіи. И все это тонетъ въ синихъ, голубыхъ и розоватыхъ воздушныхъ тонахъ. И вы испытываете еще разъ новое ощущеніе: кто-то могучій вознесъ васъ надъ вселенной и показываетъ вамъ ея чудеса, а вы, сознавая свою мизерность, свое полное ничтожество, восхищаетесь, безъ конца любуетесь ея величіемъ и красотой...

Для людей нервныхъ, утомленныхъ жизнью, трудами, заботами, прогулка по горамъ Кавказа — не только отдыхъ, но и реставрація растерянныхъ силъ. Кто не въ силахъ ходить пѣшкомъ, тотъ можетъ ѣздить верхомъ. Верховая ѣзда не представляетъ никакихъ опасностей, такъ какъ кавказскія лошади по горамъ лазаютъ не хуже людей. На протяженіи 50 верстъ отъ Красной Поляны до Кардывача необходимо во время пути слѣзть съ лошади разъ 5 — 6 и то съ единственной цѣлью — поберечь лошадь. Лѣнтяи и безчувственные слѣзаютъ только одинъ разъ и то лишь тамъ, гдѣ проводникъ, изъ боязни „сорвать" лошадь, требуетъ отъ сѣдока, чтобъ онъ слѣзъ. Обрывовъ бояться не приходится: лошади такъ опытны и осторожны, что при спускахъ и подъемахъ на обрывахъ съ каждымъ новымъ шагомъ буквально нащупываютъ прочность грунта и, только убѣдившись въ его плотности, твердо ставятъ ногу и дѣлаютъ шагъ...

Озеро Кардывачъ, изъ котораго беретъ свое начало Мзымта, находится на высотѣ 6000 футовъ съ лишкомъ.

Его долина лишена той роскошной растительности, которую вы наблюдали по пути сюда.

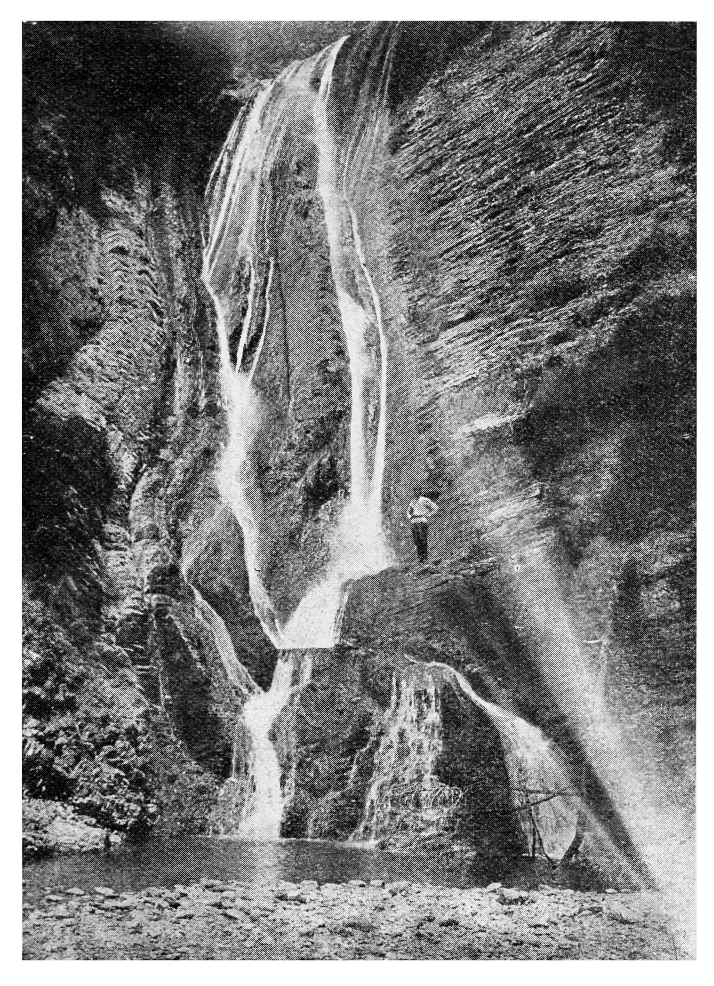
Въ концѣ сентября уже выпадаетъ снѣгъ. Самое озеро блещетъ красотой изумруда. Вода въ немъ прозрачна до того, что на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ виденъ каждый камешекъ на днѣ. И я впервые получилъ наглядное доказательство распространенія волны по сферамъ. Когда бросили въ озеро камень, то отчетливо, рельефно было видно, какъ волна отъ мѣста паденія камня, сферически расширяясь, шла вглубь, ко дну.

Кругомъ озера, у подножія горъ, еще растутъ лиственницы. Но самыя горы уже лишены растительности; съ ихъ вершинъ тянутся внизъ серебряныя нити горныхъ ручьевъ, изливающихся въ Кардывачъ. Мы остановились здѣсь въ ближнихъ балаганахъ (въ дальнихъ еще жили пастухи). Балаганы стоятъ среди бархатистаго луга, въ яркой зелени котораго въ изобиліи цвѣтутъ роскошные фіолетовые тюльпаны, точно посаженные человѣческой рукой.

При возвращеніи съ Кардывача, на привалѣ въ Энгельмановой долинѣ, проводникъ изловилъ въ Мзымтѣ удочкой 15 форелей, изъ которыхъ наши дамы сварили прелестнѣйшую уху.

Для людей вполнѣ здоровыхъ, съ нормальнымъ сердцемъ, неизъяснимую прелесть представляетъ купанье въ горныхъ рѣкахъ. Правда, болѣе минуты въ водѣ оставаться невозможно, такъ какъ ея температура не выше 8—10 градусовъ. Но это кратковременное пребываніе въ ледяной водѣ буквально перерождаетъ человѣка: утомленье, усталость отъ ходьбы по горамъ какъ рукой снимаетъ; появляется какая-то особая свѣжесть мысли, физическая бодрость, необыкновенный приливъ силъ...

Продолжительное пребываніе въ Красной Полянѣ не всѣмъ приходится по душѣ. Хорошо полюбоваться ея панорамой день-два, не болѣе. Когда вы ее созерцаете изо дня въ день, то она начинаетъ угнетать жителя равнины. Вы со всѣхъ сторонъ сдавлены исполинскими горами, благодаря чему видите не болѣе трети небеснаго свода. Солнце лѣтомъ показывается въ 8 часу, а въ пятомъ уже скрывается за горой. Ночью вы видите только верхнюю часть Большой Медвѣдицы, Юпитеръ сидитъ на верхушкѣ Аибги, Венеры совсѣмъ не видно.

«Мельничный водопадъ» въ окрестностяхъ Сочи.

Сознаюсь, что когда я уѣзжалъ изъ Красной Поляны въ Сочи, то вздохнулъ съ облегченіемъ: наконецъ-таки я освободился отъ давящихъ громадъ.

Природа самаго побережья далеко не та, что въ глубинѣ Кавказа. Здѣсь „смирныя", ласкающія, а не пугающія глазъ горы.

Отъ Адлера къ Сочи берегомъ моря идетъ превосходное шоссе, по которому ежедневно бѣгаютъ дилижансы, перевозящіе публику буквально за гроши.

Сочи—довольно культурный городокъ. Здѣсь на морскомъ берегу первоклассная гостиница, много виллъ. Есть прямо дворцы съ огромными парками, въ которыхъ собраны раритеты растительнаго царства со всего міра.

Хорошъ Ермоловскій паркъ, но ночью въ немъ нервному, непривычному къ здѣшней обстановкѣ человѣку немного жутко: подъ ногами тревожно и тяжко вздыхаетъ море, которое тонетъ въ безконечной мглѣ; и кажется, что тутъ край свѣта, а дальше—жуткая пустота безконечнаго мірового пространства...

Какъ были открыты водопадъ Ніагара и рѣка Миссисипи.

Очеркъ Э. Пименовой.

Одинъ американскій государственный дѣятель въ долинѣ Миссисипи сказалъ однажды, что ошибочно предполагать, будто только люди науки прокладываютъ пути!

Существуетъ классъ такихъ топографовъ и инженеровъ болѣе древнихъ, чѣмъ всѣ школы на свѣтѣ, которые, прокладывая дороги, еще рѣже ошибаются, чѣмъ математики въ своихъ вычисленіяхъ.

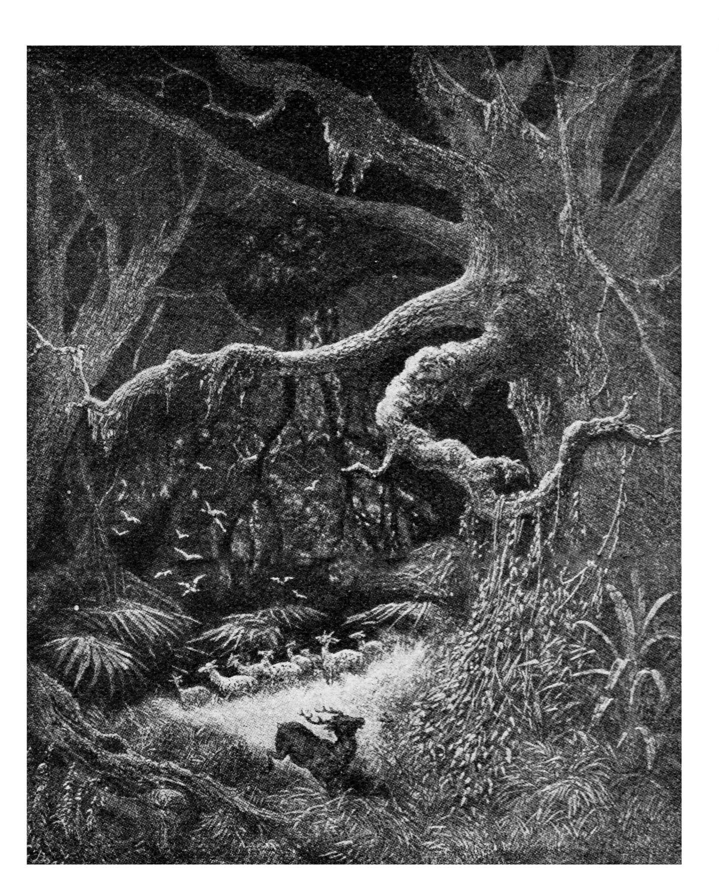
Это—дикія животныя. Они проходятъ черезъ дѣвственные лѣса, руководствуясь не компасомъ, а инстинктомъ, и, находя наиболѣе удобные пути, пролагаютъ тропу къ болѣе низкимъ горнымъ проходамъ, къ безопасному броду въ рѣкѣ, къ лучшимъ пастбищамъ и къ мѣстамъ, покрытымъ солью, у соленыхъ источниковъ.

Охотникъ въ скалистыхъ горахъ, въ Америкѣ, слѣдуя по такой тропѣ, иногда съ удивленіемъ спрашиваетъ себя, какъ давно она существуетъ,—годъ, пять лѣтъ или даже больше? Но если онъ обратится съ этимъ вопросомъ къ ученому, то получитъ отвѣтъ, что эта тропа можетъ быть очень древняго происхожденія, такъ какъ „инженеры", проложившіе ее, существуютъ уже многія тысячи лѣтъ, и ноги ихъ протоптали тропинки даже въ скалахъ!

Ошибочно, поэтому, думать, что американскіе лѣса и равнины не имѣли проторенныхъ дорогъ, пока не явились туда люди. Напротивъ, они были изборождены многочисленными тропинками въ разныхъ направленіяхъ, и первобытные обитатели сѣверной Америки, краснокожіе индѣйцы, конечно, пользовались для своихъ цѣлей этими звѣриными тропами, всегда указывавшими имъ болѣе удобный проходъ черезъ чащу, черезъ горы или къ источнику и рѣкѣ.

Въ 1775 году, за восемнадцать лѣтъ до появленія перваго поселенія бѣлыхъ въ долинѣ притока Миссисипи, Охайо, гдѣ находится теперь штатъ этого же имени, уже существовало такъ же много удобныхъ тропинокъ, по которымъ можно было проѣхать верхомъ, какъ теперь желѣзныхъ дорогъ. А тропы, проложенныя стадами бизоновъ, были настолько широки, что по нимъ свободно могли двигаться фургоны.

Когда сюда явились индѣйцы, то они нашли точно нарочно проложенныя для нихъ проѣзжія дороги. Это была работа первичныхъ инженеровъ,—животныхъ, не имѣющихъ понятія ни о тригонометріи, ни о секстантѣ, ни о положеніи звѣздъ.

«Первобытный лѣсъ» на рѣкѣ Миссисипи. Рисунокъ Доре.

Послѣ индѣйцевъ пришли европейцы. Это были первые колонисты и торговцы, которые бродили по звѣринымъ тропамъ, отыскивая индѣйцевъ, чтобы завязать съ ними торговыя сношенія.

Тропинки, проложенныя дикими звѣрями, превращались, такимъ образомъ, мало-по-малу въ торговые пути. А мѣста, гдѣ останавливались эти странствующіе торговцы, раскладывая свои дешевые товары передъ глазами своихъ краснокожихъ покупателей, постепенно пріобрѣтали характеръ торговыхъ станцій, фортовъ и становились зачатками будущихъ большихъ городовъ.

По этимъ же звѣринымъ тропамъ отправились впервые и бѣлые охотники или трапперы. Слѣдуя по теченію потоковъ и окраинамъ прерій, они проникли въ лѣса запада и, выйдя изъ нихъ, поразили своимъ появленіемъ туземцевъ. Это были выходцы изъ французскихъ поселеній въ долинѣ рѣки св. Лаврентія. Сначала эти трапперы шли по теченію рѣкъ, не прерывая, такимъ образомъ, своей связи съ моремъ, такъ какъ первыя поселенія европейцевъ появились на берегу океана.

Но постепенно они углубились въ лѣса и, выйдя изъ нихъ на равнину, завязали сношенія съ ея обитателями.

Имена этихъ первыхъ піонеровъ, большею частью грубыхъ, смѣлыхъ искателей приключеній, не признававшихъ никакихъ законовъ, ни божескихъ, ни человѣческихъ,—давно уже позабыты. Они не попали въ исторію, хотя нѣкоторые изъ нихъ и заслуживаютъ этого, какъ наприм., смѣлый Этвеннъ Брюле, замученный индѣйцами. Онъ проникъ за сотни миль отъ англійскаго поселенія въ глубь страны, такъ далеко, куда никто изъ робкихъ колонистовъ не осмѣливался заходить.

Другіе слѣдовали за этими храбрыми піонерами, и теперь именами нѣкоторыхъ изъ нихъ называются рѣки, улицы большихъ городовъ, площади и т. д. Это были люди, постоянно странствовавшіе по лѣсамъ, посѣщавшіе индѣйскіе лагери, устраивавшіе свои аванпосты въ дикихъ пустынныхъ мѣстностяхъ, изслѣдовавшіе ихъ, завязывавшіе торговыя сношенія, сражающіеся и управляющіе, какъ дикими индѣйцами, такъ и не менѣе дикими, необузданными бѣлыми поселенцами.

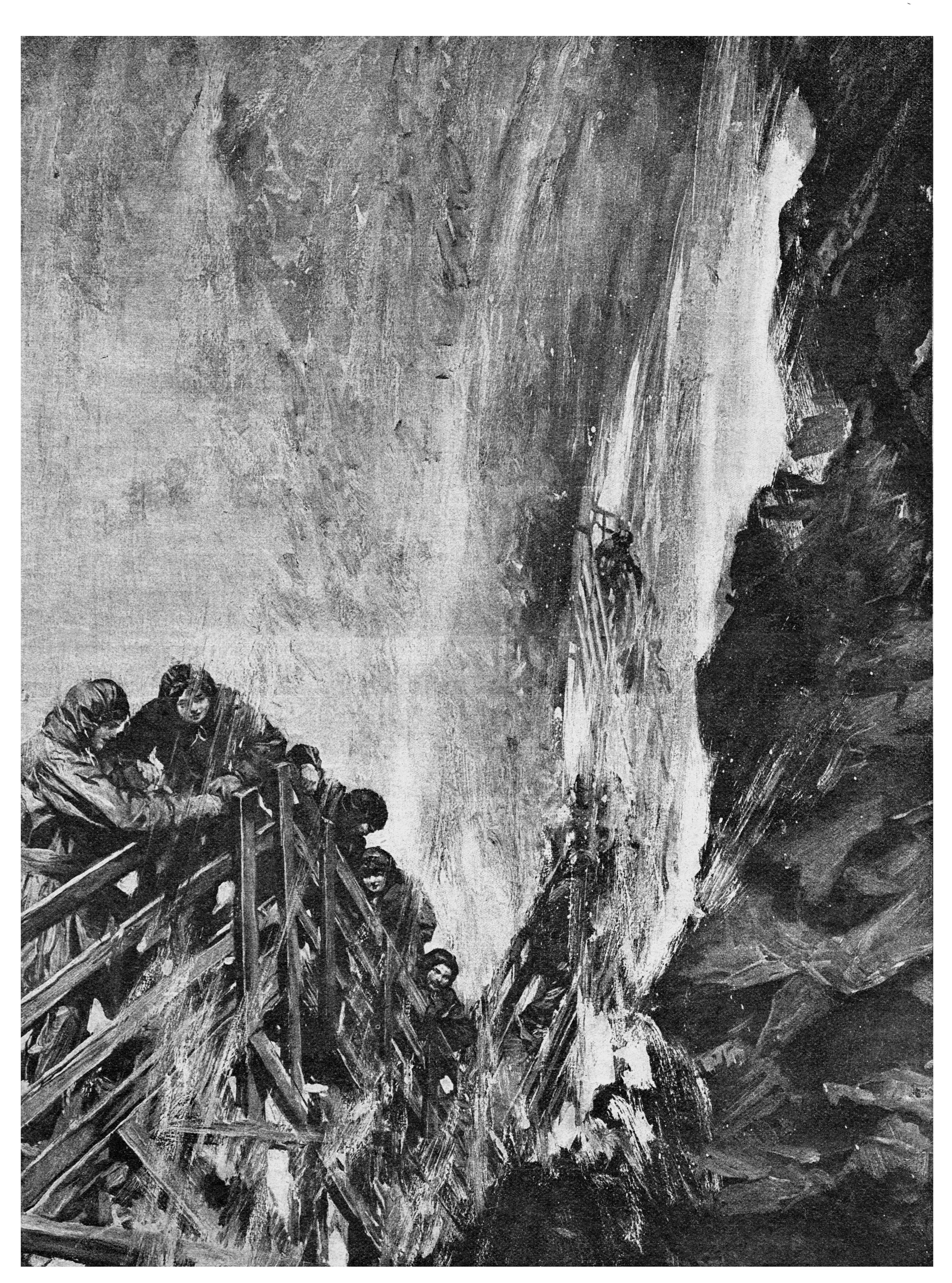
Миссія ихъ теперь кончена. Тропинки, проложенныя дикими животными, открытыя этими піонерами, послужили затѣмъ дорогой для миссіонеровъ, изслѣдователей и торговцевъ. Уединеніе и тишина равнинъ и дѣвственныхъ лѣсовъ была нарушена, звѣриныя тропы превратились въ желѣзныя и шоссейныя дороги, и не даромъ американцы говорятъ, что тамъ, гдѣ теперь проходитъ желѣзная дорога,—125 лѣтъ тому назадъ была тропа, а тамъ, гдѣ были торговые форты, устроенные французскими трапперами, возвышаются теперь большіе промышленные города.

Французскій мореплаватель Жакъ Картье, въ XVI вѣкѣ, отправившись по порученію короля изслѣдовать рыбныя лозли у острова Ньюфаундленда, обогнулъ его и открылъ устье рѣки св. Лаврентія, которое первоначально приняли за заливъ. Открытыя земли Жакъ Картье объявилъ французскимъ владѣніемъ и назвалъ „Новой Франціей".

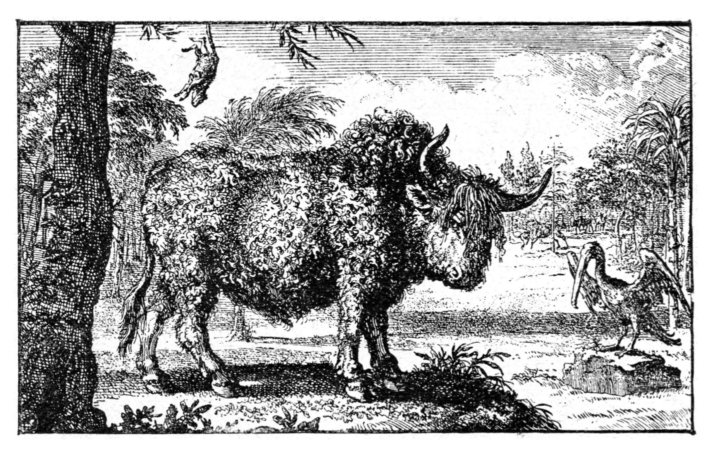
Картье не проникъ дальше того мѣста, гдѣ теперь находится городъ Монреаль, но все же онъ вступилъ внутрь страны и открылъ огромную область для цивилизаціи.

Черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ три маленькихъ судна Жака Картье впервые стали на якорь у сѣрыхъ скалъ Квебека,—были положены основанія французскихъ поселеній въ Канадѣ; Шампленъ, назначенный первымъ губернаторомъ Канады, основалъ Квебекъ. Онъ не только былъ „отцомъ Канады" и просвѣтителемъ дикихъ индѣйцевъ, ее населяющихъ, но распространилъ свое вліяніе дальше, въ долину великихъ озеръ. Онъ убѣждалъ монаховъ, священниковъ и трапперовъ отправляться въ Новый Свѣтъ, все дальше и дальше къ западу и составилъ въ 1632 году карту этой мѣстности, сдѣланную на основаніи его собственныхъ наблюденій.

Несмотря на неточности, заключающіяся въ этой картѣ, она все же очень замѣчательна какъ первая попытка по-

Деревянный мостъ позади Ніагарскаго водопада: масса воды падаетъ передъ нимъ, какъ занавѣсъ.

Бизонъ, съ рисунка Хеннепена.

добнаго рода. На ней отмѣчены великія озера, показаны рѣки, но всѣ онѣ текутъ оттуда въ Атлантическій океанъ, а рѣки Миссисипи и вовсе нѣтъ. Однако, руководствуясь этой картой, миссіонеры все же проложили дорогу въ долину Миссисипи.

Замѣчательно, что эта рѣка, несмотря на свое громадное протяженіе и величину, долгое время оставалась неизвѣстной бѣлымъ поселенцамъ. Ихъ поселенія существовали уже болѣе полутораста лѣтъ на берегу Атлантическаго океана, когда впервые бѣлый человѣкъ появился на берегахъ Миссисипи.

Это былъ испанецъ Де-Сото, въ 1540 г.

Но его экспедиція окончилась несчастливо. Онъ умеръ, а его спутники не сумѣли ничего разсказать о великой рѣкѣ, которую видѣли. Такъ она и оставалась неизслѣдованной въ теченіе почти ста лѣтъ послѣ этого, пока, наконецъ, французскій путешественникъ Ла-Салль, слыхавшій про большую рѣку, не отправился искать ее.

Ла-Салль мечталъ найти водный путь отъ великихъ озеръ къ Мексиканскому заливу или западному океану. Живя въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ Кингстонъ, онъ расчищалъ лѣса, строилъ суда для навигаціи по озеру Онтаріо и устраивалъ школы для индѣйцевъ.

Охотникъ въ канадскихъ лѣсахъ— трапперъ.

Но это не удовлетворяло его. Онъ хотѣлъ построить судно, которое могло бы проѣхать по внутреннимъ водамъ Новаго Свѣта и для этого соорудилъ, привезя весь матеріалъ изъ Парижа, первую корабельную верфь, позади горъ, среди лѣса, лежащаго выше Ніагарскаго водопада.

Осенью 1678 года францисканскій монахъ Хеннепенъ отправился одинъ изъ Квебека, въ деревянномъ челнокѣ, захвативъ съ собой переносный алтарь, чтобы проповѣдывать Евангеліе индѣйцамъ. Онъ плылъ вверхъ по теченію рѣки св. Лаврентія, останавливаясь, чтобы служить обѣдню, проповѣдывать или крестить обитателей этой скудно населенной мѣстности. Въ первыхъ числахъ ноября онъ пріѣхалъ въ фортъ Фронтенакъ (теперь тамъ находится Кингстонъ, на озерѣ Онтаріо), который, за три года передъ тѣмъ онъ помогъ Ла-Саллю выстроить въ дикой пустынной мѣстности. Оттуда, вмѣстѣ съ другими поселенцами, онъ отправился, чтобы изслѣдовать ту рѣку, черезъ которую воды верхнихъ озеръ изливаются въ озеро Онтаріо и рѣку св. Лаврентія.

Послѣ очень затруднительнаго и бурнаго плаванія въ челнокахъ они добрались, наконецъ, до устья рѣки, которая неслась бѣшенымъ потокомъ, какъ будто впитала въ себя ярость „четырехъ внутреннихъ морей", и остановила дальнѣйшее движеніе челноковъ. Тогда, руководимые миссіонеромъ, путники вскарабкались на скалы, названныя „Тремя горами" и, добравшись до верхняго плато, пошли черезъ лѣсъ, занесенный снѣгомъ. Они остановились на ночлегъ въ пустынной мѣстности, въ декабрѣ 1678 г., за нѣсколько миль выше водопада.

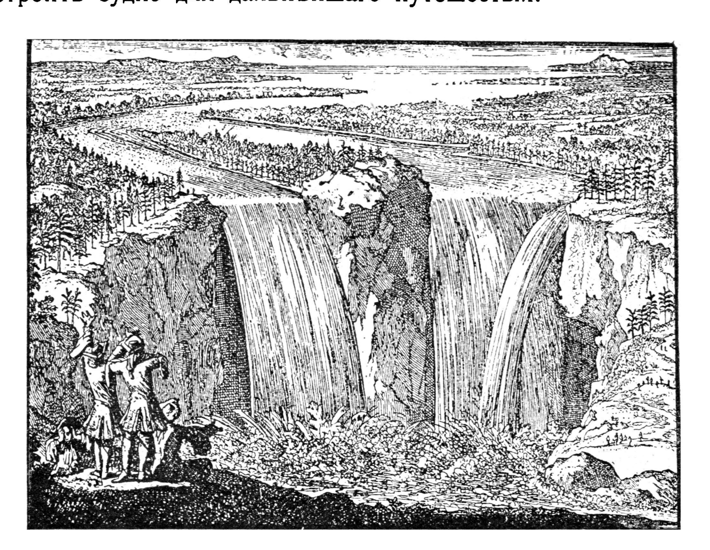
Наконецъ среди полнаго уединенія, гдѣ нельзя было найти ни малѣйшихъ слѣдовъ пребыванія человѣка, путешественники увидѣли величественный водопадъ—„Громъ воды", какъ называли его индѣйцы и, конечно, они были потрясены этимъ необыкновеннымъ и грознымъ зрѣлищемъ.

Мы обязаны этому францисканскому монаху первымъ описаніемъ и рисункомъ Ніагарскаго водопада, изображенія котораго теперь хорошо знакомы всему цивилизованному міру. Рѣчка Ніагара течетъ почти прямо съ юга на сѣверъ, изъ озера Эри въ озеро Онтаріо, называвшееся тогда озеромъ Фронтенакъ, и тамъ, гдѣ ея теченіе раздѣляется островомъ (Готъ-Козій островъ), она со страшной силой низвергается въ глубину.

Разумѣется, ни монаху Хеннепену ни его спутникамъ не приходило тогда въ голову, какое громадное значеніе для развитія промышленности будетъ имѣть этотъ водопадъ, представляющій величайшій природный источникъ даровой силы, которая можетъ приводить въ движеніе громадныя машины фабрикъ и заводовъ.

Для нихъ, такъ же какъ и для Ла-Салля и другихъ піонеровъ, этотъ водопадъ представлялъ лишь грозное явленіе природы, служащее непреодолимымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему движенію. Простые, неразвитые французскіе и итальянскіе трапперы испытывали даже суевѣрный ужасъ, видя тутъ проявленіе демонической силы. Могъ ли кто-нибудь думать тогда, что со временемъ слабый человѣкъ заставитъ служить себѣ этотъ грозный водопадъ, поражающій своей неукротимой мощью и своимъ величіемъ!

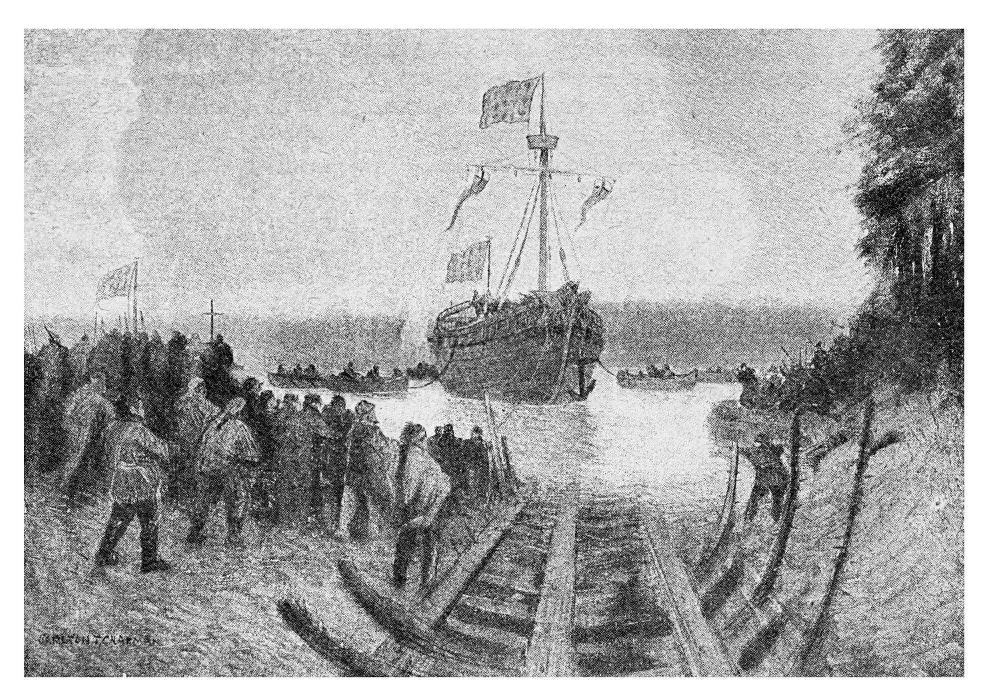
Хеннепенъ, во-главѣ своего отряда изъ тридцати человѣкъ, пошелъ дальше, чтобы найти такое мѣсто, гдѣ теченіе рѣки уже становилось спокойнымъ. Они подвигались медленно, такъ какъ были нагружены, и даже Хеннепенъ несъ на спинѣ свой переносный алтарь. Равнины и лѣса были занесены снѣгомъ, но за пять миль надъ водопадомъ они нашли удобное мѣсто, гдѣ и расположились лагеремъ. Тогда началась работа: рубили деревья, чтобы построить судно для дальнѣйшаго путешествія.

Ніагарскій водопадъ, съ рисунка Хеннепена.

Къ веснѣ оно было готово и спущено въ воду. Хеннепенъ прочелъ молитвы, и всѣ присутствующіе хоромъ пропѣли Te Deum. Затѣмъ былъ сдѣланъ пушечный выстрѣлъ, и при громкихъ восторженныхъ крикахъ французовъ и индѣйцевъ судно коснулось воды рѣчки Ніагары. На суднѣ было пять пушекъ, а на носу красовалось вырѣзанное изъ дерева изображеніе страшнаго чудовища-грифа, поэтому оно и было названо „Гриффинъ".

Въ теченіе весны и полозины лѣта „Гриффинъ" оставался прикрѣпленнымъ къ берегу на такомъ разстояніи, чтобы индѣйцы не могли достать его. Но, тѣмъ не менѣе, это было настолько близко, что Хеннепенъ могъ съ его палубы произносить каждое воскресенье проповѣдь людямъ, собравшимся на берегу.

Спускъ «Гриффина».

Въ половинѣ лѣта судно было проведено на буксирѣ въ спокойныя воды озера, и 7 августа былъ, наконецъ, поднятъ якорь. „Гриффинъ", раскачиваясь, двинулся дальше. Голые индѣйцы на берегу провожали его криками, а съ судна раздавалось пѣніе священнаго гимна...

Такъ началось замѣчательное путешествіе Ла-Салля и его спутниковъ. Они плыли цѣлыя недѣли, не встрѣчая ни одного человѣческаго существа. Въ своемъ описаніи этого плаванія Хеннепенъ говоритъ объ „обширныхъ, невѣдомыхъ озерахъ, берега которыхъ неизвѣстны даже туземцамъ". Гдѣ они кончаются, никто этого не зналъ!

Но вотъ они увидали большую рѣку и спустились по ней. Черезъ недѣли двѣ послѣ того они увидали на берегу человѣческіе слѣды, но это открытіе не слишкомъ обрадовало ихъ. Они не могли разсчитывать встрѣтить здѣсь кого-нибудь другого, кромѣ краснокожихъ. А кто знаетъ, индѣйцы могли вѣдь оказаться очень свирѣпыми въ этихъ мѣстахъ!

Но опасенія путешественниковъ оказались преждевременными. Увидѣвъ европейцевъ, индѣйцы отнеслись къ нимъ очень дружелюбно, и вождь ихъ не только гостепріимно принялъ незваныхъ бѣлыхъ пришельцевъ, но даже снабдилъ ихъ рыбой и маисомъ и со всѣмъ своимъ племенемъ проводилъ ихъ къ рѣкѣ и пожелалъ имъ счастливаго пути.

Они плыли по рѣкѣ больше мѣсяца и нѣсколько разъ встрѣчались съ индѣйскими племенами, но встрѣчи эти оканчивались благополучно. Чѣмъ далѣе они подвигались къ югу, тѣмъ болѣе страдали отъ жары и отъ москитовъ. Эти послѣдніе представляли настоящій бичъ. Но, тѣмъ не менѣе, Ла-Салль благополучно достигъ своей цѣли и проѣхалъ всю эту огромную рѣку отъ начала до конца, на протяженіи трехъ тысячъ трехсотъ восьмидесяти пяти миль въ длину. Это было большимъ торжествомъ для него. Онъ назвалъ эту рѣку—рѣкой Кольбера и убѣдился, что она впадаетъ не въ Атлантическій океанъ,—какъ онъ думалъ,—а въ Мексиканскій заливъ.

Однако, несмотря на то, что Ла-Салль первый изслѣдовалъ эту громадную рѣку и даже окрестилъ ее, имя, данное имъ этой рѣкѣ, было забыто и за нею сохранилось туземное названіе: Миссисипи, что означаетъ „великая вода".

Точной границей верхняго теченія этой рѣки являются водопады св. Антонія, представляющіе рядъ каскадовъ, которые падаютъ на протяженіи 300 метровъ съ высоты 20 метровъ.

Замѣчательно, что водопадъ этотъ постоянно перемѣщается, вслѣдствіе размывающаго дѣйствія воды. Монахъ Хеннепенъ — первый европеецъ, посѣтившій и описавшій этотъ водопадъ 166 лѣтъ тому назадъ, вырубилъ на скалѣ надпись и по ней можно судить, насколько перемѣстился водопадъ съ тѣхъ поръ. Онъ отступилъ на 314 метровъ къ сѣверу!

Однако это важное открытіе долгое время оставалось неиспользованнымъ. Прошло болѣе ста лѣтъ, прежде чѣмъ берега Миссисипи начали заселяться, и эта великая рѣка пріобрѣла значеніе, какъ торговый путь. Но имя Ла-Салля все же неразрывно связано съ ея исторіей, такъ же какъ и имя францисканскаго монаха Хеннепена—съ открытіемъ Ніагары и пороговъ св. Антонія.

Тамъ, гдѣ „Гриффинъ" былъ спущенъ въ воду, американское историческое общество поставило памятникъ, который долженъ постоянно напоминать послѣдующимъ поколѣніямъ о непоколебимой отвагѣ и предпріимчивости первыхъ піонеровъ Америки.

Какъ лѣчились наши предки.

Культурно-историческій очеркъ.

Разнаго рода болѣзни вездѣ и всегда сопровождали человѣка, и онъ уже съ давнихъ поръ началъ непрерывную борьбу съ этимъ однимъ изъ злѣйшихъ своихъ враговъ. У каждаго народа во всѣ времена существовали свои способы лѣченія, сводившіеся обыкновенно къ уничтоженію или ослабленію той причины, какая могла вы-

звать болѣзнь. Первобытный дикарь, раздѣлявшій всѣ явленія природы какъ бы на два противоположныхъ начала— доброе и злое, видѣлъ въ болѣзняхъ проявленіе воли именно начала злого, постоянно враждебно относящагося къ человѣку. Сатана, дьяволъ, всякое вообще олицетвореніе „злого духа" являлись, по его мнѣнію, главными виновниками всѣхъ болѣзней и распространителями заразы. Такой взглядъ былъ общепринятымъ и въ древней Руси.

Существуетъ очень много легендъ и народныхъ преданій, въ которыхъ появленіе болѣзни приписывается дьяволу. Такъ, въ одномъ апокрифическомъ сказаніи говорится, что „бѣсъ, не вѣда, что ему сотворити и (ткнулъ) тѣло Адама перстомъ", отчего послѣдній и получилъ болѣзни. И когда Богъ спросилъ его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, дьяволъ отвѣтилъ: „Забудетъ тебя сей человѣкъ, (но) аще у него что заболитъ, Господа вспомянетъ".

Другое преданіе разсказываетъ, какъ одинъ благочестивый старецъ, встрѣтивъ грязнаго и покрытаго струпьями дьявола, спросилъ его, почему онъ не отмоется. Тотъ отвѣтилъ: „Поѣду въ христіанскіе домы и гдѣ обрящу сосуды непокроваты, то вниду и измыгося, они же по менѣ пріимутъ болѣзни тяжкія—и кашлеве, и трясавицы, и иныя скорби".

По другимъ сказаніямъ, дьяволъ пришелъ къ человѣку и „сотвори ему 70 недуговъ". Нѣкоторыя болѣзни якобы произошли оттого, что сатана „охаркалъ" человѣка или тронулъ какую-нибудь часть тѣла своей рукою. Въ лѣтописяхъ можно найти много разсказовъ, какъ та или иная болѣзнь была причинена бѣсами. Самыя названія нѣкоторыхъ болѣзней (напр., бѣшенство, лихоманка, и т. п.) указываютъ на ихъ связь съ злыми духами.

На ряду съ бѣсовщиной въ распространеніи разныхъ болѣзней участвуютъ также и злые люди, къ которымъ издавна относились вѣдьмы, колдуны, ворожеи, якобы знавшіеся съ сатаною. Существуетъ много легендъ, указывающихъ на ихъ участіе въ появленіи болѣзней; въ одной изъ такихъ легендъ разсказывается, напр., какъ вѣдьмы и колдуны въ своихъ подземельяхъ „варятъ скорби, немощи, и язву". Самыя болѣзни представляются тогда въ видѣ страшныхъ старухъ-вѣдьмъ, какъ, напр., чума или холера; разные виды лихорадки издавна назывались колдуньями—сестрами, которыя ходятъ межъ людей, чтобы ихъ „тѣло печь и знобить, бѣлы кости крушить". Въ распространеніи болѣзней, по нѣкоторымъ преданіямъ, повинны бываютъ и нѣкоторыя животныя, главнымъ образомъ, змѣи, которыхъ всегда считали воплощеніемъ дьявола.

Вполнѣ понятно, разъ болѣзни вызываются злымъ духомъ, человѣкомъ или животнымъ, то и лѣченіе ихъ должно состоять въ отстраненіи или ослабленіи этихъ злыхъ началъ. Отсюда возникаютъ разнаго рода заклинанія и заговоры, которыми только и могъ бороться человѣкъ съ невѣдомыми ему существами. Въ заклинаніяхъ обыкновенно упрашивали злого духа оставить посѣщеннаго имъ больного человѣка, при этомъ ласковыми словами старались какъ бы задобрить его и тѣмъ вызвать съ его стороны согласіе. При эпидеміяхъ чумы или холеры, когда заклинанія отдѣльныхъ лицъ оказывались безсильными, въ борьбѣ съ злымъ „повѣтріемъ" принимали участіе цѣлыя села и деревни: опахивали избы и селенія, устраивали шумныя скопища, выходили всей деревней въ поле или лѣсъ и „творили заклятія", сопровождавшіяся дикими криками и движеніями. Если въ болѣзни оказывался повиннымъ какой-либо злой человѣкъ, то дѣло рѣшалось проще: вѣдьма или колдунья предавались публичной казни — „сожженію, потопленію или зарытію въ землю". Казнилось обыкновенно и обвиненное въ появленіи болѣзни животное.

Уже съ давнихъ поръ почти всякое заклинаніе стало сопровождаться и другими способами лѣченія, состоявшими въ примѣненіи разнаго рода цѣлебныхъ средствъ. Среди послѣднихъ наибольшей популярностью въ народѣ пользовались огонь и вода. Цѣлый рядъ болѣзней, сопровождающихся повышеніемъ температуры тѣла и получившихъ названіе „воспалительныхъ", народная фантазія сблизила съ огнемъ, который являлся, такимъ образомъ, какъ бы естественнымъ средствомъ при ихъ лѣченіи. У южныхъ славянъ существовалъ обычай „запеканія" болѣзни, состоявшій въ томъ, что больного помѣщали голымъ у большого пылающаго костра и постепенно поворачивали, давая возможность „запечься" всѣмъ частямъ тѣла. Нѣчто подобное сохранилось почти до нашихъ дней у нѣкоторыхъ крестьянъ-великоруссовъ: ребенка, страдающаго грыжей, сажали на деревянную лопату и помѣщали въ истопленную печь, гдѣ болѣзнь должна была „испариться". Большимъ распространеніемъ пользовался также обычай „засѣканія" болѣзни огнемъ, когда надъ больнымъ высѣкали при помощи кремня и огнива искру, сопровождая этотъ обрядъ соотвѣтственными причитаніями.

Еще большую популярность пріобрѣлъ способъ лѣченія болѣзней „окуриваніемъ". Подъ изголовьемъ больного сжигали кусочки ткани или перьевъ и произносили заклинанія; иногда сжигали кусочки платья самого больного или клочокъ волосъ съ его головы. Отъ насморка и головной боли до сихъ поръ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окуриваютъ кусочками пряжи. Интересенъ также обычай, когда матеріаломъ для окуриванія служила нитка, которой предварительно измѣряли больного: такимъ образомъ болѣзнь какъ бы была измѣрена и сожжена.

Въ качествѣ цѣлебнаго средства, на ряду съ огнемъ, издавна почиталась и печь. Обычай окуриванія всегда старались производить передъ печью, такъ какъ это якобы облегчало освобожденіе отъ болѣзни, которая, по повѣрью, уходила „съ чадомъ, съ дымомъ".

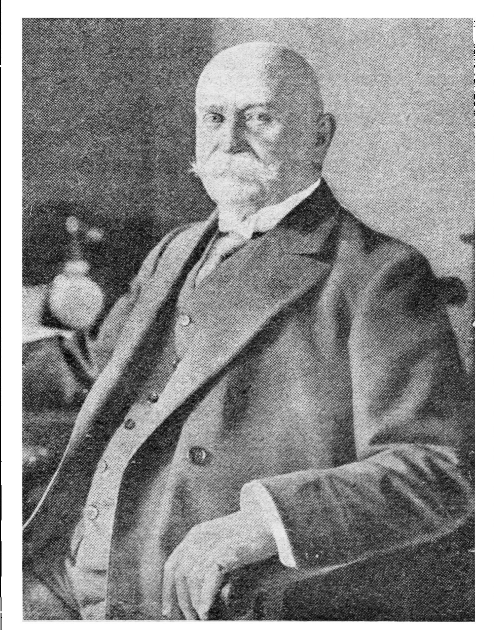
У печки произносились многія заклинанія, сопровождавшіяся тѣми или иными обычаями. Отъ легкой боли терлись больнымъ мѣстомъ о печь, на нее забрасывали выпавшіе больные зубы, кусочками печной глины излѣчивали нѣкоторыя язвы и т. п. Вмѣстѣ съ печью почитались и ея непремѣнные атрибуты: зола, пепелъ, угли, служившіе также однимъ изъ цѣлебныхъ средствъ. Посыпаніе пепломъ больныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранилось даже до сихъ поръ.

Но если огонь, по повѣрьямъ нашихъ предковъ, обладалъ способностью пожигать, запекать болѣзнь, то вода могла смывать и топить ее. Поэтому лѣченіе водою было такъ же популярно, какъ и лѣченіе огнемъ. Больного обмывали, обливали или обрызгивали водою, употребляя при этомъ особыя заклинанія, въ которыхъ просили воду смыть съ него недугъ. Вода помогала не только отъ многихъ болѣзней, но и отъ „сглазу"; отъ удара молніи можно было избавиться, умывшись водою съ серебра и золота, т.-е. водою, въ которую кладутъ серебряныя или золотыя вещи. Большимъ почетомъ пользовалась вода отъ перваго дождя и вода отъ весенняго снѣга, но особенно цѣлебной считалась ключевая вода изъ непочатаго еще источника. На Руси издавна существовали уже „священные" колодцы и „криницы", вода которыхъ обладала будто бы цѣлительными свойствами. Съ распространеніемъ христіанства пользовавшаяся у нашихъ предковъ большимъ почетомъ цѣлительная сила воды постепенно переходила въ воду „крещенскую", „срѣтенскую" и т. п. Неудивительно поэтому, что могли сохраняться до сихъ поръ и многіе языческіе обычаи, какъ, напр., часто соблюдающееся купанье во время освященія воды на Крещенье. Сама по себѣ вода служила у нашихъ предковъ символомъ силы и здоровья, на что указываетъ и существующая посейчасъ поговорка: „здоровъ и крѣпокъ, какъ вода".

Въ числѣ другихъ цѣлебныхъ средствъ наши предки имѣли также и нѣкоторые виды деревьевъ, главнымъ образомъ, дубъ и осину. Разбитыхъ параличомъ заставляли

ГРАФЪ ЦЕППЕЛИНЪ.

По случаю 75-лѣтія его рожденія.

Графъ Цеппелинъ.

Германія торжественно отпраздновала 75-лѣтній юбилей своего національнаго героя, графа Цеппелина, поднявшаго воздушное могущество Германіи до недосягаемой высоты.

Въ лицѣ графа Ц. ярко вырисовались всѣ тѣ трудности, которыми сопровождается завоеваніе всякой новой идеи.

Графъ Фердинандъ фонъ-Цеппелинъ родился 8 іюля (25 іюня) 1838 г. въ Констанцѣ на Боденскомъ озерѣ.

До 1889 г. графъ Ц. состоялъ на военной службѣ, на которой достигъ званія генералъ-лейтенанта. Онъ участвовалъ во многихъ походахъ и создалъ себѣ имя одного изъ выдающихся офицеровъ германской арміи.

Все обѣщало ему блестящее будущее; какъ вдругъ въ концѣ 1889 г. графъ Ц. получилъ неожиданно для себя отставку.

Вотъ эта отставка и послужила для него толчкомъ для того, чтобы заняться ближе той проблемой, которая со времени первыхъ успѣховъ французскаго капитана Ренара, живо интересовала его, а именно проблемой управляемаго аэростата, могущаго найти примѣненія для военныхъ цѣлей. Первое время онъ самъ одинъ разрабатывалъ проектъ подобнаго корабля и только въ 1892 г. пригласилъ къ себѣ на помощь инженера Кобера. Они вмѣстѣ поставили правильныя изслѣдованія и пытались найти поддержку въ руководящихъ техническихъ кругахъ. Но всѣ ихъ попытки оказались безуспѣшными. Въ началѣ 1894 г. былъ готовъ первый разработанный ими проектъ воздушнаго корабля. Но этотъ проектъ былъ забракованъ назначенной германскимъ императоромъ комиссіей изъ видныхъ представителей воздухоплавательнаго и ученаго міра. По мнѣнію комиссіи, подобные корабли не могли быть прочны и обладать большой скоростью. Новые опыты графа Ц. имѣли своимъ результатомъ то, что за нимъ утвердилось мнѣніе, какъ объ упрямомъ безумцѣ. Средства графа Ц. оказались исчерпанными до конца, всѣ его стремленія получить субсидіи оставались безъ результата. Графу Ц. предстояла перспектива забросить всю свою долголѣтнюю упорную работу. И вотъ въ этотъ критическій моментъ счастливая случайность пришла неожиданно на помощь графу Ц. Какъ разъ въ это время умеръ его очень богатый шуринъ, оставившій ему въ наслѣдство значительное состояніе. Графъ Ц. не замедлилъ воспользоваться этой счастливой случайностью, и въ іюлѣ 1900 г. первый дирижабль былъ уже готовъ. 2 августа того же года былъ совершонъ первый историческій подъемъ на управляемомъ жесткомъ воздушномъ кораблѣ. Полеты перваго періода заставили внести серьезныя измѣненія въ конструкцію этого корабля. Но уже въ 1903 г. средства Цеппелина оказались снова исчерпанными. Воззваніе его къ нѣмецкому обществу не принесло никакихъ результатовъ. И только, наконецъ, устроенная имъ лотерея въ Вюртембергѣ и содѣйствіе одного владѣльца алюминіеваго завода выручили графа Ц. на нѣкоторое время изъ затруднительнаго положенія и помогли ему продолжать свои работы. Въ ноябрѣ 1905 г. былъ готовъ второй улучшеннаго типа дирижабль, но послѣдній во время своего полета 16 января 1906 г. погибъ въ Алчѣ. Послѣ этой катастрофы всѣ, за исключеніемъ самого, кажется, графа Ц., потеряли вѣру въ жесткіе дирижабли. Тогда графъ Ц. рѣшилъ построить исключительно на свои средства третій дирижабль, которому 9 и 10 октября 1906 г. удалось совершить прекрасные полеты.

Только теперь правительство рѣшило прійти на помощь графу Ц. Вмѣсто стараго эллинга былъ построенъ новый эллингъ, далѣе была организована лотерея.

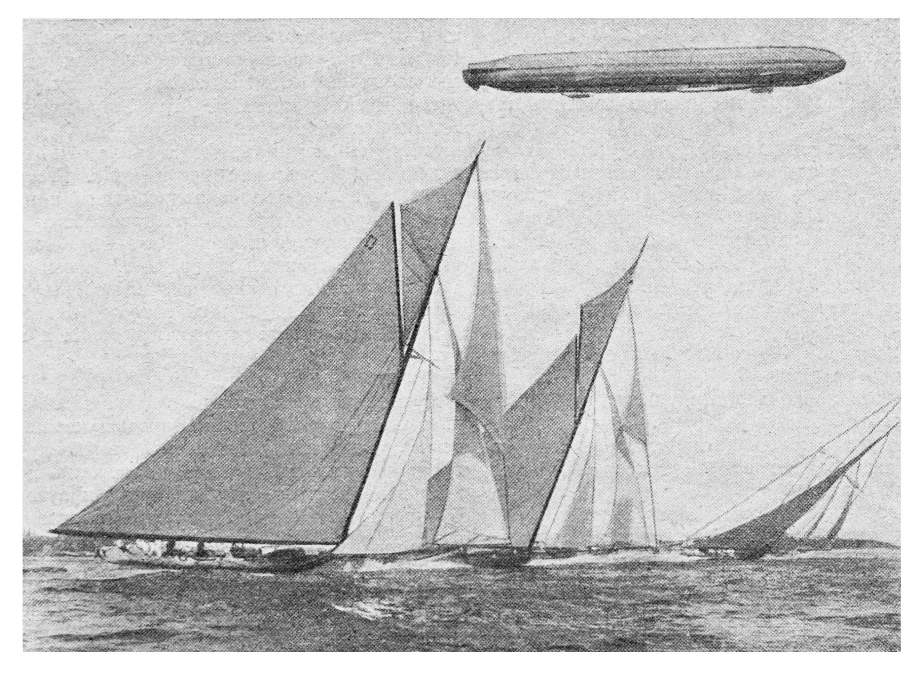
Послѣ блестящихъ полетовъ осенью 1907 г. рейхстагъ одобрилъ 2.150.000 марокъ на заказъ графу Ц. двухъ «Цеппелиновъ». Одинъ изъ этихъ заказанныхъ кораблей былъ готовъ уже въ 1908 г., и 1 іюля этого же года былъ совершонъ на этомъ кораблѣ знаменитый перелетъ въ Швейцарію до Люцерна и обратно. Гибель этого корабля въ августѣ мѣсяцѣ послѣ путешествія по Рейну вызвала въ нѣмецкомъ народѣ небывалое сочувствіе. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль было собрано 6.170.000 марокъ и предоставлены графу Ц. для продолженія его работъ. Цѣлый рядъ городовъ: Констанцъ, Ульмъ, Фридрихсгафенъ, Штуттгартъ и Мюнхенъ избрали графа Ц. своимъ почетнымъ гражданиномъ. Дрезденское высшее техническое училище избрало его докторомъ-инженеромъ, Тюбингенскій и Лейпцигскій университеты дали ему званіе почетнаго доктора; графъ Ц. получилъ орденъ Чернаго орла, высшіе знаки отличія Вюртембергскаго, Саксонскаго и другихъ германскихъ королевствъ и княжествъ. Съ этого момента и начался періодъ расцвѣта цеппелиновскаго дѣтища.

До настоящаго времени графомъ Цеппелиномъ было построено 20 кораблей.

Большинство дирижаблей графа Цеппелина пріобрѣтено германскимъ правительствомъ. Кромѣ того, въ Германіи существуетъ «Общество воздушнаго сообщенія», устраивающее воздушные и межгородные рейсы на «Цеппелинахъ».

По своимъ размѣрамъ (20000—26000 куб. метровъ), своей грузоподъемности (6000—10000 килограммовъ) и своей скорости (75—84 километра въ часъ) цеппелиновскіе корабли не имѣютъ себѣ соперниковъ во всемъ мірѣ.

Я. Г.

Цеппелинъ „Ганза" надъ лодочной флотиліей во время гонокъ въ Килѣ.

лежа упираться босыми ногами въ осиновое полѣно; въ осиновое дерево упирались при первомъ громѣ отъ спинной боли. При переломахъ, вывихахъ и тому подобныхъ болѣзняхъ пропускали больного черезъ раздвоенное дерево. Дереву же можно было передавать болѣзни, для чего вѣшали на вѣтвяхъ кусочки одежды больного или прядь голосъ съ головы. Древесная кора обладала способностью излѣчивать зубную боль, и въ древности существовало много священныхъ деревьевъ, къ которымъ больные приходили грызть кору; такія изгрызанныя деревья можно встрѣтить и сейчасъ еще возлѣ нѣкоторыхъ монастырей. Въ качествѣ цѣлебныхъ средствъ признавались также и плоды многихъ деревьевъ и кустарниковъ, какъ, напр., яблоки, орѣхи, бузина и т. п. Цѣлебными почитались и нѣкоторые камни.

Изъ животныхъ первое мѣсто въ качествѣ „исцѣлителей" занимали змѣи и подобные имъ гады. При многихъ болѣзняхъ обращались къ „змѣѣ мѣдной мѣдяницѣ, заложенной въ мѣдный столбъ"; отъ лихорадки носили на груди змѣиную шкурку, а пепелъ отъ нея помогалъ затягивать раны. Значительно менѣе почитались млекопитающія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сейчасъ еще вѣрятъ въ возможность получить исцѣленіе отъ того или другого домашняго животнаго, чаще всего отъ лошади и предметовъ, съ ней соприкасающихся. Среди насѣкомыхъ, пользующихся репутаціей „лѣчебныхъ", первое мѣсто занимаютъ мухи и пауки; послѣдніе являются въ то же время и виновниками въ распространеніи нѣкоторыхъ болѣзней, и не даромъ до сихъ поръ сохранилось еще повѣрье, что убившему паука сорокъ грѣховъ прощается. І. Ш-ра.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛѢСУ.

Біологическія картинки Н. Ѳ. Золотницкаго.

Свѣтящіяся гнилушки.

На-дняхъ вздумалъ пройтись по лѣсу ночью. Дорога знакома — сбиться съ пути нельзя, а интересно понаблюдать, что тамъ дѣлается въ эту пору.

Иду, кругомъ деревья, какъ тѣни, какъ какія привидѣнія. Вонъ, вонъ, протянулась какая-то лапа и заколыхалась, а внизу, точно притаившись, сидитъ какая-то фигура и тоже какъ будто движется. Сердце замираетъ, стучитъ. Нѣсколько жутко, но пріятно.

Но что это, Боже, сонъ или дѣйствительность? Передо мной вдали какой-то фосфорическій свѣтъ, что-то фантастическое, театральное.

Подхожу ближе—пень, весь залитый, какъ фосфоромъ. Фосфоромъ же блестятъ и сотни окружающихъ его тамъ и сямъ мелкихъ щепочекъ.

Э, да вѣдь это дубовыя гнилушки! Въ извѣстный періодъ гніенія онѣ свѣтятся почти такъ же, какъ Ивановы червячки, только свѣтъ ихъ не зеленоватый, а болѣе бѣлый и значительно сильнѣе: онѣ не только сами свѣтятся, но освѣщаютъ немного и окружающіе ихъ предметы. Вы различаете и траву, и кусты, и даже деревья; а если есть грибы и цвѣты, то и ихъ, особенно же все, окрашенное въ бѣлый цвѣтъ. Картина своеобразна и замѣчательно красивая.

Я взялъ нѣсколько гнилушекъ покрупнѣе Онѣ свѣтились, какъ и пень. Одну изъ нихъ я воткнулъ себѣ въ петлицу, и она затеплилась, какъ какая обмакнутая въ воду фосфорной головкой спичка.

И вспомнилось мнѣ мое дѣтство, когда однажды при перестройкѣ стараго дубоваго погреба я былъ пораженъ такимъ же свѣченіемъ составлявшихъ его срубъ бревенъ и, набравъ такихъ гнилушекъ, развѣсилъ ихъ на ниточкахъ по потолку своей комнаты и потомъ любовался ими въ темнотѣ. Зрѣлище было необычайное. Совсѣмъ выходило, какъ въ звѣздную ночь подъ открытымъ небомъ. Особенно это было эффектно, когда я просыпался среди ночи. Разъ во время такого пробужденія, забывъ совсѣмъ о гнилушкахъ, я даже испугался и закричалъ, воображая, что меня кто-то занесь въ поле.

А въ другой разъ, развѣсивъ потихоньку такимъ же образомъ гнилушки, я перепугалъ сильно этимъ одну пожилую родственницу, которая пріѣхала къ намъ на время погостить. Она вообразила, что задремала гдѣ-то въ саду подъ открытымъ небомъ и проспала до ночи. Конечно, можетъ-быть, это она сдѣлала и для того, чтобы порадовать меня, но я былъ въ восхищеніи и торжествовалъ, что моя шутка такъ хорошо удалась...

Гнилушки, которыя я теперь набралъ, свѣтились такъ же хорошо, какъ и погребныя. Но меня интересовало теперь не какъ устроить звѣздное небо, а отчего онѣ такъ свѣтятся, и какая могла бы быть тому причина? Я сталъ припоминать, что я гдѣ-то объ этомъ читалъ, и вспомнилъ, что причиной свѣченія является грибокъ: Agaricus mellens. Его мицелій даетъ обыкновенно толстые темные шнуры, проникающіе въ пространство между корой и древесиной. Кромѣ того, встрѣчаются такія нѣжныя нити, которыя пронизываютъ древесину въ видѣ паутины, а замѣтны только тогда, когда образуютъ сѣти.

Вотъ эти-то тонкія нити мицелія и свѣтятся и придаютъ видъ древесинѣ, что она свѣтится.

Лучше всего наблюдать этотъ родъ свѣченія лѣтомъ и осенью послѣ продолжительнаго дождя, который увлажняетъ такую древесину. Влажность, однако, не должна переходить извѣстнаго предѣла, какъ и сухость. Въ противномъ случаѣ гнилушки перестанутъ свѣтиться.

Обыкновенно онѣ такъ свѣтятся въ продолженіе нѣсколькихъ дней изъ ночи въ ночь, но если перенести ихъ въ комнату, то черезъ 24, много черезъ 43 часа онѣ теряютъ способность издавать свѣтъ, а особенно если въ комнатѣ жарко, отчего влага быстро испаряется и древесина сохнетъ.

Также свѣтятся иногда осенью и опавшіе листья, поросшіе тѣмъ же грибкомъ. Кромѣ этого грибка, у котораго свѣтится мицелій, бываютъ грибки, у которыхъ свѣтятся ножки и лежащій подъ шляпкой спороносный слой. Такіе грибы, напр., встрѣчаются въ Италіи между корнями маслинъ. Свѣтятся эти грибы одинаково и въ сухую и сырую погоду, но требуютъ, чтобы температура была не ниже $+3^\circ$ по Р. Лучше всего они издаютъ свѣтъ при $+8$ до 10 градусной температуры. Отмирая же свѣтятся все слабѣе и слабѣе и вмѣстѣ съ жизнью теряютъ эту способность.

Точно такъ же свѣченіе производятъ еще и разныя свѣтящіяся бактеріи, такъ называемыя фотобактеріи. Такія бактеріи появляются часто на свѣжихъ трупахъ животныхъ, такъ что въ скотобойняхъ, напр., нерѣдко всѣ части убитыхъ животныхъ свѣтятся, какъ будто ихъ полили фосфоромъ.

Подобное же свѣченіе бактерій развивается еще иногда какъ на мясѣ, такъ и на рыбѣ въ теплыхъ и влажныхъ кладовыхъ и приводитъ нерѣдко въ ужасъ неопытныхъ хозяекъ, воображающихъ, что оно является результатомъ порчи мяса. На самомъ дѣлѣ, однако, это свѣченіе не только не представляетъ какой-либо опасности, а, наоборотъ, даже служитъ признакомъ того, что продукты вполнѣ свѣжи, такъ какъ оно сейчасъ же исчезаетъ, какъ только мясо или рыба начнутъ портиться.

Такихъ же фосфоресцирующихъ бактерій пробовали разводить искусственно на желатинѣ и въ жидкихъ средахъ, при чемъ свѣченіе ихъ въ послѣднемъ случаѣ оказывалось такъ сильно, что навело даже на мысль проф. Дюбуа попробовать приложить его къ освѣщенію комнатъ.

Полученная имъ такимъ образомъ свѣтящаяся жидкость, будучи налита въ стеклянный съ гладкими краями сосудъ, освѣщала настолько сильно, что при ея свѣтѣ можно было свободно читать, узнавать, который часъ на карманныхъ часахъ и совершенно ясно различать черты лица человѣка, стоявшаго на другомъ концѣ комнаты. Особенно хорошо этотъ опытъ удавался вечеромъ, когда глазъ не бываетъ ослѣпляемъ дневнымъ свѣтомъ, или послѣ нѣкотораго пребыванія въ темной комнатѣ.

Бульоны, въ которыхъ разводилъ Дюбуа своихъ бактерій, содержали въ себѣ всегда воду, морскую соль и нѣкоторыя минеральныя и органическія вещества.

Такимъ, похожимъ на лунный, „живымъ свѣтомъ" Дюбуа освѣщалъ довольно ярко большой залъ своей аудиторіи. Имъ же былъ устроенъ родъ маленькихъ лампочекъ, состоящихъ изъ небольшихъ стеклянныхъ колбъ, наполненныхъ питательнымъ бульономъ со свѣтящимися бактеріями и небольшимъ количествомъ воздуха.

Лампы эти, будучи закупорены пропускающей кислородъ ватой, свѣтились не только нѣсколько ночей, но и нѣсколько мѣсяцевъ сряду, однако при условіи держать ихъ постоянно въ темнотѣ и не взбалтывать.

Кромѣ такихъ небольшихъ лампочекъ, можно легко устроить и крупную; наполнивъ такой

жидкостью съ бактеріями стеклянный графинъ, затѣмъ прикрѣпить его за горлышко къ потолку, снабдивъ сверху блестящимъ жестянымъ рефлекторомъ.

Такая лампа „живого свѣта" будетъ свѣтить очень сильно, пожалуй, не слабѣй электрической—свѣчъ въ 16. Интересно, что сила проницаемости этого свѣта такъ велика, что лучи его свободно проникаютъ сквозь непрозрачныя тѣла, какъ напр. дерево, картонъ и т. п.

Набравъ свѣтящихся гнилушекъ, я ими такъ заинтересовался, что забывъ о дальнѣйшей цѣли своего ночного путешествія, поскорѣе возвратился домой, чтобы подѣлиться своими любопытными игрушками съ дѣтьми. Мы развѣсили ихъ, какъ и я въ молодости, по потолку темной комнаты и долго любовались, воображая себя въ звѣздную ночь на воздухѣ.

Повторить, однако, этотъ опытъ на слѣдующій вечеръ уже не удалось, такъ какъ вслѣдствіе царившей на другой день жары влага изъ гнилушекъ испарилась и производившій ихъ свѣченіе грибной мицелій засохъ. Мы пробовали было его смочить, но ничего не вышло: видно, онъ черезчуръ уже пересохъ.

Находка эта, однако, настолько заинтересовала всѣхъ нашихъ знакомыхъ дачниковъ и всю живущую вокругъ насъ молодежь, что на слѣдующую же ночь всѣ гурьбой отправились въ лѣсъ къ указанному мною пню и растащили его всего до послѣдней щепочки.

Такое варварское расхищеніе, съ одной стороны, конечно, было для меня очень прискорбно, но, съ другой стороны, я былъ радъ, что хотя этимъ заставилъ обратить вниманіе юношества на забытую имъ совсѣмъ природу и тѣмъ заронилъ, быть-можетъ, въ его душу хоть маленькую къ ней искорку интереса.

По крайней мѣрѣ, прогулки и днемъ и ночью въ поискахъ за гнилушками продолжались все лѣто. Кто знаетъ, быть-можетъ, во время этихъ прогулокъ кто-нибудь изъ гуляющихъ обратилъ вниманіе и на какое-нибудь другое явленіе природы, на какое-нибудь интересное растеніе или животное; а это было бы для меня немалой наградой.

Возможно ли полное истребленіе животныхъ на землѣ?

Очеркъ Н. Лебедева.

Вопросъ о полномъ истребленіи животныхъ на землѣ является, какъ мы увидимъ дальше, вопросомъ совершенно не празднымъ и не лишеннымъ смысла.

Этимъ вопросомъ начинаютъ интересоваться во многихъ европейскихъ странахъ, и недавно извѣстный французскій ученый, Эд. Перье, директоръ Парижскаго музея естественной исторіи, помѣстилъ въ одномъ журналѣ большую статью, посвященную этому вопросу. Въ этой статьѣ Перье рисуетъ картину постепеннаго исчезновенія многихъ видовъ животныхъ не только въ Европѣ, но и въ другихъ, менѣе населенныхъ, частяхъ свѣта. Онъ говоритъ, что всѣмъ дикимъ животнымъ грозитъ скорая гибель отъ нашей распространяющейся цивилизаціи, и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ исчезнутъ безвозвратно многіе виды замѣчательныхъ животныхъ.

Профессоръ Перье констатируетъ фактъ уменьшенія за послѣднюю четверть вѣка большинства морскихъ животныхъ—китовъ, тюленей, моржей и кашалотовъ. Морская выдра (бобръ), а также и морской котикъ дѣлаются очень рѣдкими животными, благодаря безпощадному истребленію ихъ звѣроловами.

Въ Африкѣ быстро исчезаютъ слоны, которыхъ убивается ежегодно ради слоновой кости болѣе 50.000 штукъ. Между тѣмъ слоны быстро и легко становятся ручными и могли бы быть хорошими помощниками человѣка.

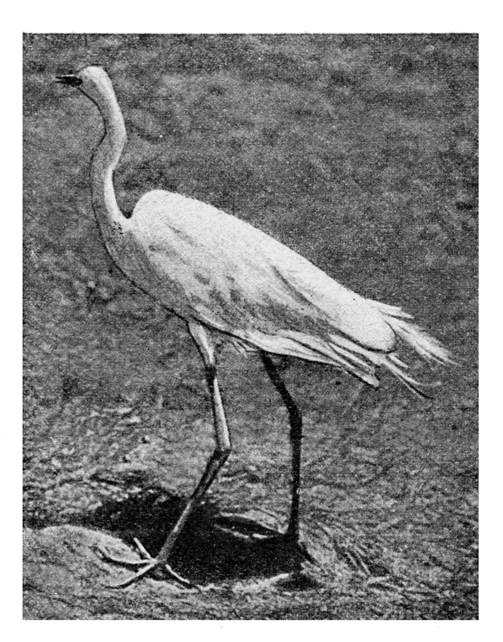
Носороги, встрѣчавшіеся въ прежнее время довольно часто, сдѣлались теперь большой рѣдкостью, и недавно парижскій зоологическій садъ съ большимъ трудомъ купилъ дикаго носорога за 30.000 франковъ, т.-е., приблизительно около двѣнадцати тысячъ рублей.

Становятся рѣдкостью также жирафы, водившіяся ранѣе цѣлыми стадами.

Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что сами животныя предчувствуютъ неизбѣжную гибель съ пришествіемъ бѣлаго человѣка и очищаютъ предъ нимъ путь, отступая въ незаселенныя мѣста. Такъ, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ огромныя стада бизоновъ, жившія въ центрѣ Америки, немедленно всѣ переселились, какъ только была проведена желѣзнодорожная линія Нью-Йоркъ-Санъ-Франциско.

Большими партіями направились бизоны на югъ и на сѣверъ. Но на сѣверѣ стада бизоновъ погибли отъ холодовъ, а на югѣ всѣ бизоны были перебиты охотниками.

Нѣтъ надобности говорить о безчисленныхъ количествахъ убиваемыхъ ежегодно

Бѣлая хохлатая цапля-эгретъ

пушныхъ звѣряхъ, шкуры которыхъ идутъ на мѣха. Въ Сибири всѣ звѣроловы констатируютъ фактъ исчезновенія дорогихъ породъ пушныхъ звѣрей.

Можно было бы назвать десятки различныхъ видовъ животныхъ, совершенно истребленныхъ руками человѣка.

Истребленію подвергаются не только четвероногія животныя, но также и птицы. Такъ, напримѣръ, совершенно истребленъ голубь-путешественникъ, и въ настоящее время на всемъ земномъ шарѣ существуетъ лишь одинъ экземпляръ этого голубя въ зоологическомъ саду въ Цинциннати.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ каролинскіе попугаи летали еще большими стаями по всей Флоридѣ и водились въ 25 штатахъ Америки. Эти красивыя птички приносили большую пользу земледѣльцамъ, питаясь исключительно зернами сорныхъ растеній, растущихъ въ хлѣбныхъ поляхъ. Но въ настоящее время, благодаря безжалостному истребленію, эти попугаи являются большой рѣдкостью.

Исторія бѣлой хохлатой цапли, такъ называемой эгретъ, еще болѣе плачевна. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онѣ въ большомъ количествѣ водились въ болотистыхъ мѣстностяхъ Америки и Австраліи. Но ихъ пышный бѣлый нарядъ, въ который онѣ одѣвались весной въ періодъ любви, привлекалъ массу охотниковъ, такъ какъ легкія бѣлыя перья высоко цѣнятся модницами всего свѣта; и вотъ въ нѣсколько лѣтъ всѣ эти

Отыскивая кормъ для самки, самецъ падаетъ, сраженный пулей.

мирныя птицы были совершенно истреблены въ Америкѣ, Африкѣ и Австраліи.

Поставщики перьевъ эгретъ говорили что они не убиваютъ птицъ, а собираютъ лишь выпавшія перья. Но въ дѣйствительности дѣло происходило иначе. Птицы избивались самымъ варварскимъ образомъ, и года два тому назадъ въ Мельбурнѣ были выставлены многочисленныя фотографіи тѣхъ мѣстъ, гдѣ водились эти птицы. Трупы несчастныхъ общипанныхъ самцовъ валялись во множествѣ на землѣ. Самки, высиживающія птенцовъ, умирали въ гнѣздахъ отъ голоду, такъ какъ во время высиживанія самцы приносили имъ пищу. Безпомощные птенцы, въ свою очередь, умирали всѣ и такимъ образомъ уничтоженіе было полное.

Въ настоящемъ нумерѣ мы помѣщаемъ четыре снимка съ этихъ фотографій. Эти фотографіи возбудили въ Австраліи такое сильное негодованіе, что федеральное правительство запретило вывозъ изъ Австраліи перьевъ эгретъ. Соединенные штаты Сѣв. Америки также издали запретительный законъ убивать эгретовъ, но эта птица стала уже такой рѣдкостью, что охота за ней не представляетъ прибыльнаго занятія.

Насколько распространено убійство птицъ на землѣ, можно судить по тому факту, что за 1911 годъ въ одномъ только Лондонѣ было продано 29.000 райскихъ птицъ, 21.000 птицъ-мухоловокъ, 28.000 птицъ-гура, 70.000 морскихъ ласточекъ и около 30.000 чаекъ. Такимъ образомъ было убито за годъ только для одного лондонскаго рынка болѣе 175 тысячъ штукъ различныхъ птицъ, не считая милліоновъ птицъ, мясо которыхъ идетъ въ пищу. Перечисленныя же птицы идутъ исключительно на украшеніе дамскихъ шляпъ.

Самка цапли-эгретъ, сидящая на яйцахъ, гибнетъ съ голоду.

Нарисовавъ картину истребленія животныхъ на землѣ, проф. Перье заключаетъ свою статью призывомъ къ обществу, обратить вниманіе на этотъ вопросъ: „Пора,—говоритъ онъ,—начать борьбу съ этимъ безполезнымъ убійствомъ животныхъ. Эта борьба необходима не только изъ чувства сострадания къ живымъ существамъ, оживляющимъ безмолвіе степей и лѣсовъ, но она необходима и для охраненія нашихъ собственныхъ интересовъ".

Когда птицы замолкнутъ въ лѣсахъ, когда исчезнутъ всѣ животныя, то природа потеряетъ значительную часть своей красоты. Кромѣ того, имѣемъ ли мы право уничтожать безъ всякаго расчета все живущее на землѣ, не принимая во вниманіе интересы грядущихъ поколѣній. Вѣдь земля принадлежитъ не только нынѣ живущимъ поколѣніямъ, но всему человѣчеству. Могутъ ли люди разрушать, уродовать и уничтожать красоту того жилища, въ которомъ они являются лишь временными гостями и которое должны оставить его будущимъ поколѣніямъ?

Не являются ли преступленіемъ противъ науки истребленіе живыхъ организмовъ, на созданіе которыхъ природа потратила многія тысячелѣтія?

Полное уничтоженіе живыхъ историческихъ памятниковъ — эволюціи животныхъ формъ, освѣщающихъ вопросъ о нашемъ собственномъ происхожденіи — что можетъ быть, дѣйствительно, болѣе варварскимъ, неразумнымъ и преступнымъ.

Быстрое исчезновеніе животныхъ и птицъ заставляетъ даже самихъ охотниковъ предпринимать мѣры для охраны животныхъ, такъ какъ иначе черезъ нѣсколько лѣтъ охота потеряетъ всякій смыслъ.

Итальянскій король съ этою цѣлью устроилъ недавно нѣчто въ родѣ національнаго парка, въ составъ котораго вошелъ горный хребетъ Гранъ Парадизо, гдѣ теперь охраняются около 5000 сернъ и 3000 козероговъ.

Кромѣ этого, во владѣніи короля находится два большихъ заповѣдныхъ имѣнія близъ Кастельпорціано и около Пизы. Въ первомъ имѣніи охраняются 14.000 козулей, 1000 ланей, 100 оленей, 254 антилопы, 2500 кабановъ, а въ другомъ обитаютъ нѣсколько тысячъ фазановъ.

Подобныя заповѣдныя мѣста, гдѣ воспрещается убійство животныхъ, начинаютъ устраиваться во многихъ странахъ.

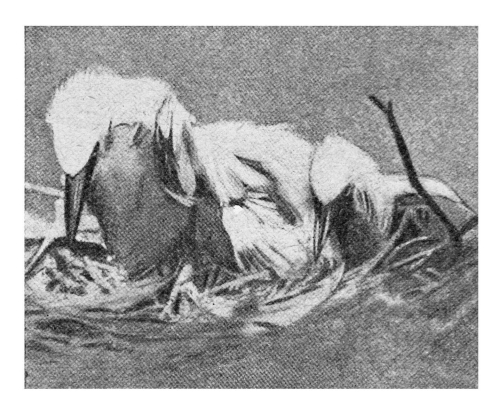
У насъ въ Россіи, какъ извѣстно, такимъ заповѣднымъ мѣстомъ является Бѣловѣжская пуща, въ Гродненской губ., гдѣ сохраняются нѣсколько сотъ зубровъ, истребленныхъ уже давно во всѣхъ другихъ мѣстахъ Европы.

Въ Бѣловѣжской пущѣ водятся, кромѣ зубровъ, лоси, дикіе кабаны, рыси, волки, лисицы, зайцы и барсуки.

Кромѣ Бѣловѣжской пущи, въ западномъ краѣ, въ имѣніи графа Потоцкаго, огорожено нѣсколько сотъ десятинъ лѣсу и луговъ, гдѣ на свободѣ живутъ шестьдесятъ лосей, большое количество сѣверныхъ оленей, козуль, бобровъ, выдръ, барсуковъ, хорьковъ, куницъ и восемь европейскихъ бизоновъ, истребленныхъ въ Европѣ совсѣмъ, и два бизона американскихъ.

Въ 1889 г. крупный землевладѣлецъ на югѣ, г. Фальцъ-Фейнъ, также устроилъ охранительный паркъ для животныхъ, огородивъ около 600 десятинъ земли въ своемъ имѣніи „Асканія Нова" въ Таврической губ. Здѣсь онъ поселилъ европейскихъ и американскихъ бизоновъ, зебръ, антилопъ, муфлоновъ, страусовъ и другихъ рѣдкихъ животныхъ.

Но всѣ эти единичныя попытки не могутъ, конечно, предохранить отъ истребленія большинства видовъ животныхъ, разбросанныхъ по всѣмъ странамъ свѣта. Для охраны вымирающихъ животныхъ необходимы широкія мѣры, а также сознательное отношеніе къ этому вопросу всего общества, главнымъ же образомъ, самихъ охотниковъ и звѣроловъ.

Птенцы, лишенные родителей, гибнутъ.

н. л.

Перъ Генрикъ Лингъ,

отецъ шведской гимнастики.

Перъ Генрикъ Лингъ родился 15 ноября 1776 года въ пасторатѣ Льюнга въ Смоландѣ. (провинція въ Швеціи). Въ молодости ему пришлось много бороться съ жизнью.

Въ 1793 году, окончивъ университетъ въ Лундѣ, онъ поселился въ Стокгольмѣ, познакомился тамъ съ чиновничьимъ міромъ и занялся частными уроками и литературой.

Въ 1799 году онъ переѣхалъ въ Копенгагенъ и тамъ изучилъ древнія сѣверныя сказанія и миѳы, которые имѣли большое вліяніе на его развитіе.

Въ это же самое время онъ началъ заниматься гимнастикой и вырабатывать гимнастическую систему, доставившую ему впослѣдствіи всемірную извѣстность.

Въ 1805 году онъ былъ назначенъ фехтмейстеромъ при Лундскомъ университетѣ.

Перъ Генрикъ Лингъ.

Несмотря на нѣкоторую запутанность теорій, его система вскорѣ пріобрѣла довѣріе, потому что была основана на единственно здравомъ принципѣ: анатоміи и физіологіи человѣка и стремилась къ полному гармоническому развитію всѣхъ частей тѣла.

Въ 1813 году, 5 мая, Лингъ получилъ привилегію на открытіе гимнастической школы въ Стокгольмѣ, и этотъ день считается у шведовъ днемъ рожденія шведской гимнастики и празднуется по всей странѣ.

Гимнастическая школа Линга была первоначальнымъ ядромъ гимнастическаго центральнаго института, извѣстнаго теперь всему міру.

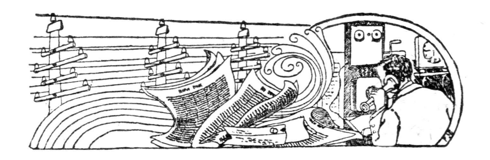
Въ томъ же году Лингъ былъ приглашенъ преподавателемъ гимнастики въ военную школу въ Карлбергѣ, а въ 1817 году назначенъ фехтмейстеромъ тамъ же. Когда въ 1835 году онъ покинулъ этотъ постъ, онъ получилъ званіе профессора, чины и отличія.

Глубоко убѣжденный въ вѣрности Сократова изреченія „Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ", Лингъ хотѣлъ сдѣлаться также національнымъ пѣвцомъ Швеціи. Но литературный талантъ его былъ не великъ, и его эпическія и драматическія произведенія теперь забыты. Напротивъ, ему удавались идилліи. Особенно хорошо одно изъ его лирическихъ стихотвореній—„Любовь".

Въ 1835 году онъ былъ избранъ въ Шведскую Академію, оказавшую, такимъ образомъ, большую честь какъ себѣ самой, такъ и своему великому соотечественнику.

Въ Аннелундѣ, близъ Брунсвика, находится его, избранная имъ самимъ, могила съ величественнымъ памятникомъ.

Е. Т.

ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ.

Сколько стоило открытіе Америки? Недавно въ архивахъ испанскаго города Палоса были найдены бумаги, оказавшіяся страницами расходной книги Христофора Колумба.

Благодаря этимъ записямъ, можно установить, что на оборудованіе своихъ трехъ кораблей Колумбъ израсходовалъ около 6 тысячъ рублей; каждый матросъ получалъ около 1 руб. 40 коп. въ день на своемъ содержаніи.

Содержаніе экипажа обошлось Колумбу за все время экспедиціи около трехъ съ половиной тысячъ рублей.

Кромѣ этого, Колумбомъ было куплено разнаго оружія тысячъ на шесть рублей.

Всѣ расходы Колумба по его экспедиціи въ Америку въ общей суммѣ не превышаютъ шестнадцати тысячъ рублей.

Сравнительно съ расходами позднѣйшихъ экспедицій,—особенно полярныхъ—эта сумма представляется крайне ничтожной, и можно сказать, что Америка обошлась дешево.

н. л.

Безпроволочный телеграфъ въ экспедиціи къ Сѣверному полюсу. Капитанъ Амундсенъ, открывшій Южный полюсъ, предполагаетъ, какъ извѣстно, отправиться въ 1914 г. въ экспедицію на Сѣверный полюсъ.

На этотъ разъ Амундсенъ хочетъ установить на борту своего корабля „Фрамъ" аппаратъ безпроволочнаго телеграфа и будетъ при его помощи сообщаться съ радіо-телеграфной станціей на островѣ Шпицбергенѣ, отстоящей отъ Сѣвернаго полюса на 1650 километровъ и дѣйствующей днемъ на сто километровъ, а ночью на двѣ тысячи километровъ.

Такимъ образомъ, во время зимы извѣстія съ острова Шпицбергена будутъ передаваться регулярно на бортъ „Фрама", и путешественники не будутъ совершенно оторваны отъ міра.

Возможно ли будетъ посылка телеграммъ съ „Фрама" на Шпицбергенъ? Амундсенъ говоритъ, что это будетъ зависѣть отъ многихъ причинъ: отъ силы передаточнаго аппарата, отъ величины разстоянія отъ Шпицбергена и т. д.

н. л.

Редакторъ Вл. А. Поповъ.

Сокровища древнихъ инковъ.

Давно исчезли первобытныя племена, населявшія когда-то Южную Америку, но слѣды этихъ народовъ сохранились еще и до сихъ поръ. Однимъ изъ могущественныхъ древнихъ народовъ Америки были инки. Инки, какъ извѣстно, были потомками племени, нѣкогда завоевавшаго Перу и основавшаго тамъ сильное государство.

По туземнымъ перуанскимъ преданіямъ въ глубокой древности въ Перу была развита въ высокой степени цивилизація. Потомъ, болѣе чѣмъ за 500 лѣтъ до прихода испанцевъ, въ Перу наступила эпоха варварства, въ которой погибли всѣ слѣды прежней культуры.

Но при инкахъ Перу снова обратилось въ богатое государство и сокровища инковъ считались прямо сказочными и привлекли вниманіе испанцевъ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ имперія инковъ была совершенно разрушена, но большинство своихъ сокровищъ инки успѣли спрятать въ разныя недоступныя мѣста и такимъ образомъ сохранили ихъ отъ рукъ испанцевъ.

На основаніи этого факта въ Перу въ давнѣйшее время возникли многочисленные легенды и сказанія о таинственныхъ кладахъ инковъ. Долгое время эти легенды считались преувеличенными, и только сравнительно недавно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удалось, дѣйствительно, найти большое количество золотыхъ вещей, идоловъ, мечей и разные предметы украшенія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Колумбіи былъ найденъ очень цѣнный кладъ инковъ, который колумбійское правительство пожертвовало Мадридскому археологическому музею.

Находки эти убѣдили, что клады инковъ дѣйствительно существуютъ, хотя до сихъ поръ удалось найти только ничтожную часть этихъ сказочныхъ богатствъ.

Судя по лѣтописямъ, хранящимся въ испанскихъ архивахъ, первымъ открылъ сокровища инковъ испанскій купецъ Гарсіа Гутеррьецъ изъ Толедо въ 1575 г. Купецъ этотъ поѣхалъ тогда по своимъ торговымъ дѣламъ въ Труилло (республика Перу), гдѣ, сойдясь съ сыномъ знаменитаго инки Чимухуманхи, долгими и настойчивыми просьбами добился отъ этого главы индѣйцевъ выдачи ему принадлежавшаго инкамъ клада. Гарсіа, однако, долж нъ былъ предварительно дать клятву, что онъ будетъ раздавать бѣднымъ милостыню и четвертую часть полученнаго золота пожертвуетъ на богоугодныя заведенія. Послѣ этого индѣецъ повелъ Гарсіа въ развалины Гранъ-Чиму и, пройдя по цѣлому лабиринту ходовъ и пещеръ, приблизился къ грудѣ камней, которые индѣецъ разбросалъ въ сторону. Передъ ними оказалась потайная дверь, открывъ которую, они вступили въ обширное подземелье. Здѣсь оказалось много золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Посрединѣ подземелья стоялъ серебряный бассейнъ съ огромной рыбой изъ золота. Вмѣсто глазъ у рыбы были два смарагда, величиною съ голубиное яйцо.

Инкъ позволилъ своему другу взять изъ клада сколько ему угодно, послѣ чего опять закрылъ входъ въ подземелье и удалился.

Судя по старымъ архивнымъ документамъ, Гарсіа Гутеррьецъ уплатилъ казнѣ въ качествѣ законной доли 55.547 золотыхъ кастеляновъ, а это значитъ, что драгоцѣнности, взятыя имъ изъ таинственной пещеры, составляли стоимость въ 5 милліоновъ золотыхъ пезетъ, т.-е. около 10 милліоновъ рублей.

Второй кладъ инковъ, тоже очень крупный, былъ открытъ въ 1778 г. въ Тамплѣ, на югѣ Перу. Открытъ онъ былъ при слѣдующихъ условіяхъ: одинъ молодой индѣецъ далъ въ уплату въ гостиницѣ нѣсколько мелкихъ золотыхъ рыбокъ. Рыбки эти попали на глаза одному священнику, который, понявъ, что это деньги инковъ, донесъ объ этомъ начальству.

Индѣйца схватили и подвергли пыткѣ и тотъ дѣйствительно указалъ мѣсто клада, гдѣ испанцы нашли много золотыхъ и серебряныхъ вещей, стоимостью въ 12 милліоновъ рублей.

Вмѣсто того, однако, чтобы вознаградить индѣйца, указавшаго мѣсто клада, испанцы опять подвергли его пыткѣ, требуя, чтобы онъ сообщилъ имъ, гдѣ еще находятся клады. Несчастный въ концѣ концовъ признался, что есть дѣйствительно еще одинъ кладъ, но что добыть его можно только съ опасностью для жизни.

Испанцы разсмѣялись, когда услышали объ этой опасности, и потребовали, чтобы индѣецъ указалъ имъ, гдѣ зарытъ кладъ. Индѣецъ повелъ ихъ въ глубокій оврагъ и велѣлъ имъ копать землю въ одномъ мѣстѣ. Долго копали испанцы и, наконецъ, на глубинѣ 10 саженъ докопались до старой стѣны, за которою, по словамъ индѣйца, таились драгоцѣнности.

Несмотря на всѣ предупрежденія индѣйца, испанцы стали разбивать стѣну, и продолжали это дѣло до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не обрушилась. Въ эту же минуту изъ земли вырвался огромный столбъ воды, и всѣ искатели клада погибли.

Объ этомъ большомъ кладѣ много говорится въ старинныхъ лѣтописяхъ. По словамъ испанцевъ, побѣжденные инки предназначили этотъ кладъ для выкупа своего короля Атахуальпа изъ испанскаго плѣна, но когда узнали, что король ихъ не выдержалъ мукъ и умеръ въ плѣну, то они спрятали кладъ въ недоступное мѣсто.

Кладъ этотъ былъ до того великъ, что его при перевозкѣ пришлось навьючить на 12000 ламъ. Въ немъ одного золота было около 600 тоннъ. Несмотря на всѣ усилія перуанцевъ, кладъ этотъ остается не разысканнымъ и до сихъ поръ.

Н. Л.

○ ○ ESPERANTA FAKO. ○ ○

Успѣхи Эсперанто.

● Продолжаетъ развиваться Эсперантское движеніе и въ Японіи. Популярная газета: „Niche-Niche“, издающаяся въ Токіо, сообщаетъ, что число членовъ союза японскихъ эсперантистовъ непрерывно возрастаетъ. Предсѣдатель союза проф. Кронта открылъ курсы Эсперанто, находящіеся подъ покровительствомъ японскаго министра путей сообщенія. Начали учиться международному языку много агентовъ полиціи.

● Одинъ изъ корреспондентовъ: „The British Esperantist“ сообщаетъ, что онъ недавно получилъ радіотелеграмму на языкѣ Эсперанто отъ своего брата, который провелъ зиму съ двумя путешественниками-норвежцами на о. Шпицбергенѣ. Чтобы достичь ближайшей радіотелеграфной станціи, посылавшему депешу пришлось пройти разстояніе въ 150 клм. Такимъ образомъ, Эсперанто проникло уже даже въ страны вѣчнаго льда на далекомъ Сѣверѣ.

При этомъ № разсылается подписчикамъ на II изданіе журнала „Вокругъ Свѣта" (11-рублевое) книга XXVIII полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. домъ.